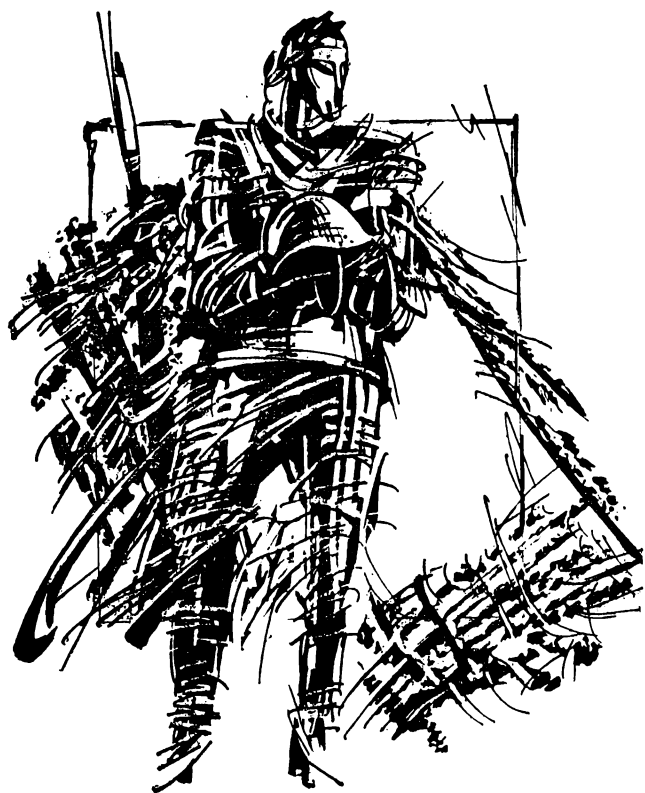

«Я БЫЛ УБИТ В БОЯХ...»

«Я БЫЛ УБИТ В БОЯХ...»

«Я БЫЛ УБИТ В БОЯХ...»

**СТИХИ
МОЛОДЫХ ПОЭТОВ,
ПАВШИХ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Павел Коган, Николай Майоров, Алексей Лебедев, Борис Смоленский, Муса Джалиль, Всеволод Багрицкий... Сорок имен поэтов, навсегда оставшихся молодыми, представлено в этой книге. Летчики и моряки, артиллеристы и пехотинцы, партизаны и военные корреспонденты, они сложили свои головы в снегах Финляндии, на полях Подмосковья, в окопах Сталинграда, на дорогах Европы, умерли от голода в блокадном Ленинграде или от ран — во фронтовых госпиталях.

В их стихах, очень разных, есть и общие черты: это романтическая наивность молодости, стальной блеск времени и предчувствие трагической судьбы всего поколения — собственной судьбы...

Художник В. Б. Остапенко

Общественная редколлегия серии книг
«Юношеская библиотека»:

А. П. Климова, О. Д. Коровин,
Л. И. Кузьмин, А. П. Лебеденко,
Т. С. Рослякова, О. К. Селянкин (председатель),
В. М. Ширинкин.

Я $\frac{4803010202-71}{M152(03)-90}$ 86—90

ISBN 5-7625-0264-3

© Составление, оформление,
Пермское книжное
издательство, 1990

Джек АЛТАУЗЕН
(1907—1942)

ПРОЩАНИЕ С ЛУЖЕЙ

Александрю Жарову

Когда вступал я
В жизнь большую
И был неопытен и мал,
Я только
Лужу дождевую
В мечтах своих переплывал.

Теперь
Под небо голубое
К морям направился мой путь.
Давно хотелось
Из прибора
Мне кружкой пену зачерпнуть,
Услышать гул
Морского вала,
На легкой лодке
Плыть в туман,
И я кричу еще с вокзала:
«Налейте море мне в стакан!»

И сразу шторм
Мне прямо в спину
Хлестнул жарною струей.
А лужа
Обнажила тину:
Грач выпивал ее порой.

Я знал,
Что дождик в нетерпенье
Опять
Ее наполнит вслух.

И вновь
В индийском оперенье
Над лужею
Взлетит петух.

О солнце,
Мне теперь не хуже!
До позвонка меня прогрей.
Я жижу
Нашей пресной лужи
Смог променять
На соль морей.

Что море —
Мы его разроем,
Посеем рожь
На самом дне.
Бок о бок трутся
Волны с воем,
У каждой чайка на спине.

Какие волны,
Что за диво?
Настанет час,
И дни придут,
Когда в пивной нам
Вместо пива
В бутылке
Море подадут.

Ах, лужа,
Мир тебя обидел,
Копытом конь
Тебя разбил!
А здесь
Скала стоит,
Как идол,
Который тоже богом был.

И я,
Прожилками расписан,
Гляжу на светлый небосклон.
Чем заслужил я
Эти выси,

Лекарство
Этих синих волн?

Лежим
К прибою головами,
А чайки нас зовут туда,
Где броненосцы
Кандалами
Бьет
Бесноватая вода,

Где ждут
Зажженные запалы,
Где за решетками
Друзья.
А ну-ка, братцы,
Шторм — в бокалы,
И чокнемся
Через моря!

1929

СКРИПАЧ

На улице шепот и жалобный плач —
Играет на скрипке горбатый скрипач.

И старое сердце у скрипки в пыли,
И тихие струны давно отцвели.

Но скрипка, как дряхлая верная мать,
За юных и дальних могла горевать.

Знакомые звуки, прохладный родник,
До самого сердца он сразу проник.

Застыли летящие птицы вдали,
Прохожие мимо пройти не могли.

Кудрявый ребенок пройдет и замрет,
Печально раскрыв очарованный рот.

И скрипка играет, и струны в пыли,
Утрачена юность, и годы прошли.

И только смычок говорит: «Я пою
За юных и дальних, погибших в бою.

За тех, кто рыдал у родимых могил,
За тех, кто полюбит, и тех, кто любил.

За тех, кто в Берлине не спит по ночам,
Кто в черные руки попал к палачам».

Прохожие слушают, ветер затих,
Весеннее солнце глядело на них.

Вот вор, что сегодня задумал украсть,
Чужая жена, продающая страсть,

Вот бедная мать, вот усталый отец,—
И струны добрались до этих сердец.

И каждый подумал, что скоро и он
Услышит рыданье своих похорон.

У каждого горе. У матери сын,
Что где-то по свету блуждает один:

Бежал он от крепких железных оков,
От кровью обрызганных штурмовиков.

И струны сказали: «Сейчас запоем
О дальнем, блуждающем сыне твоём».

И пели, и вытер слезу под конец,
О дочери вспомнив, усталый отец:

Давно за тюремной решеткой она
Весенние ночи проводит без сна.

Скрипач утомленный откинул смычок.
Кто бросил копейку, а кто пятачок.

И, через минуту исчезнув вдали,
Прохожие в разные стороны шли.

К ребенку спешила угрюмая мать,
Рабочий работать, купец торговать.

Но желтые струны молчать не могли
И долго неслышно рыдали в пыли...

1932

РОДИНА СМОТРЕЛА НА МЕНЯ

Я в дом вошел, темноло за окном,
Скрипели ставни, ветром дверь раскрыло,—
Дом был оставлен, пусто было в нем,
Но все о тех, кто жил здесь, говорило.

Валялся разный мусор на полу,
Мурлыкал кот на вспоротой подушке,
И разноцветной грудю в углу
Лежали мирно детские игрушки.

Там был верблюд, и выкрашенный слон,
И два утенка с длинными носами,
И дед-мороз — весь запылится он,
И кукла с чуть раскрытыми глазами.

И даже пушка с пробкою в стволе,
Свисток, что воздух оглашает звонко,
А рядом, в белой рамке, на столе,
Стояла фотография ребенка...

Ребенок был с кудряшками, как лен,
Из белой рамки, здесь, со мною рядом,
В мое лицо смотрел пытливо он
Своим спокойным, ясным синим взглядом...

Стоял я долго, каску наклоня,
А за окном скрипели ставни тонко.
И родина смотрела на меня
Глазами белокурого ребенка.

Зажав сурово автомат в руке,
Упрямым шагом вышел я из дома
Туда, где мост взрывали на реке
И где снаряды ухали знакомо.

Я шел в атаку, твердо шел туда,
Где непрерывно выстрелы звучали,
Чтоб на земле фашисты никогда
С игрушками детей не разлучали.

1941

ПИСЬМО ОТ ЖЕНЫ

Там, где яворы мирно дремали,
Тишиной и прохладой полны,
В незнакомом селе, на привале,
Получил я письмо от жены.

И прочел я, волнением объятый,
Дорогие для сердца слова.
На конверте был адрес обратный
И отчетливый штемпель «Москва».

А потом незаметно я снова
Все письмо перечел в тишине,
Отзывалось в нем каждое слово
Самой нежной любовью ко мне.

Я читал, и росла моя сила,
Мне казалось, что вместе с женой
Тем же голосом мне говорила
Вся страна: «Будь здоров, мой родной!»

Обо всем мне жена написала,
И в конце, вместо слов о любви,
Вместо «крепко целую», стояло:
«Ты смотри, мой хороший, живи!»

Ну, а если от пули постылой...»
Тут шли точки неровной строкой,
И стояло: «Запомни, мой милый,
Есть бессмертие в смерти такой».

Буду жить, буду драться с врагами,
Кровь недаром во мне зажжена.
Наше счастье топтать сапогами
Мы с тобой не позволим, жена.

Над бойцами плыл дым от сигарок,
За деревней гремел еще бой,
И лежал у меня, как подарок,
На ладони конверт голубой.

Я глядел, а улыбка сияла,
И глаза были счастьем полны:
Это родина мне написала
Чистым почерком верной жены.

1941

Я ПИШУ, ДОРОГАЯ, ТЕБЕ

Повезло нам сегодня с ночлегом —
Печка топится, лампа горит.
И подсолнух, засыпанный снегом,
Вдалеке на пригорке стоит.

Чай дымится, душистый и сладкий.
Отогрелись мы в теплой избе.
На листочке из синей тетрадки
Я пишу, дорогая, тебе.

Знаю я, ты прочтешь строки эти,
Улыбнешься и скажешь опять:
— Самый родненький мой ты на свете,
Только писем не любишь писать.

А потом возле детской кровати,
Возле нашего сына вздохнешь,
И листочек из синей тетрадки
К пухлым губкам его поднесешь.

Скажешь: — Сын, это папа нам пишет,
Хоть и редко, но письма нам шлет. —
Постоишь, поглядишь, как он дышит,
И слезинка невольно блеснет.

И промолвишь ты, счастьем согрета:
— До чего на отца он похож!
Те же волосы русого цвета,
Так же ласков и так же пригож.

Я пишу, а вокруг, дорогая,
Спят бойцы на шинелях своих.
Печка топится. Лампа, мигая,
Свет спокойный бросает на них.

Снова голос твой тихий я слышу,
Он навеки мне в сердце проник:
— Как же, милый, на холод ты вышел
И забыл застегнуть воротник?

В светлой дружбе мы жили с тобою,
Как цветы полевые, росли,

И над нашей чудесной судьбою
Вдруг фашисты топор занесли.

Ничего! Мы обрубим им руки.
Ничего! Стисни зубы сильнее,—
Каждый миг нашей гордой разлуки
Враг оплатит нам кровью своей.

Если б только увидеть могла ты,
Как ползу я с гранатой в дыму.
Грозный счет мой открыт для расплаты,
Платят кровью враги по нему.

Не один я такой в нашей роте,
Каждый счет свой открыл именной...
И берем мы втройне при расчете —
За семью, за разлуку с женой.

За страну, за сады, что шумели,
Кровью платят за все нам сполна.
Правда, волосы чуть поседели,—
Что ж поделаться, на то и война!

Дорогая, горжусь я тобою,
Только вспомню — и сердцу тепло.
К нам в окопы вчера после боя
Много разных подарков пришло.

Пулеметчики варежки взяли...
И узнал я, мой друг, не таи,—
Их у детской кровати вязали
Руки родины, руки твои.

Зимний ветер в трубе завывает,
Спят бойцы — просыпаться им срок.
Печка топится, лампа мигает,
И дописан последний листок.

Я окреп для борьбы и для жизни,
И сплелись воедино во мне
Чувство родины, верность отчизне
С нежным чувством к любимой жене.

Александр АРТЕМОВ
(1912—1941)

НОЧЬЮ

Другу, поэту — Вяч. Афанасьеву

Потухло багровое пламя зари.
Сова поднимает тяжелые веки,
Садится сова на кедровые ветки,
Сова зажигает глаза-фонари.

Подернулись пади дремотным туманом,
Заухали филины гулко в ночи,
Луна пожелтела над сонным Иманом,
Как спелая дыня с осенней бахчи.

На небе, вблизи от ночного светила,
Погасли холодные искорки звезд.
На темное море луна опустила
Пути золотые на тысячи верст.

Туман осыпая серебряной пылью,
Сова расправляет лохматые крылья,
Летит тяжело над полями, лесами
И в полночь блестящими смотрит глазами.

И кажется старой, что тропкою длинной
По горным хребтам, к океанской воде,
Идут от широкой сучанской долины
Неясные легкие тени людей.

И кажется древней, что ночью зловещей
Не грозы гремят над простором морей,
Не гневные волны у берега плещут,
А эхом разносится гул батарей.

Ушастая слушает чутко, но это
Лишь гром поездов на далеких мостах,
Гудки теплоходов, да ветер с Посъета,
Да уханье филинов в лунных кустах.

А тени, неясные легкие тени,—
Лишь клочья тумана у вздыбленных гор
Да призрачный дым полуночных видений,
Что утром уносится ветром в простор.

И с криком печальным угрюмая птица
Глядит на прибой океанских валов.
За нею туман одичалый клубится
В лиловых огнях перегнувших дубов.

Садится сова на обрыве прибрежном
И клювом забрызганный чистит наряд.
Легенды о давнем, сказанья о прежнем
Ей сопки Приморья в ночи говорят.

<1940>

СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «ДВАДЦАТЬ»

На сопках крутых
 не заказаны пути.
Двадцать уходят,
 чтоб снова прийти.

Яблочко

- Уважаемые господа матросы...
- К псам!..
- Хайло заткни и с попутным шпарь!..
- Ежели ты, гад, из господ сам...
- Вася, хоть разик по морде вдарь!..

Вася ударил. Оратор смолк.
Матросы вбивали в оратора толк.

Гармонист, сукин сын,
 с чуть подбитым глазом,
Сплюнул, крякнул и сказал:

— Не хватает газа...

Я по жинке, братишки,
 тоскою убит.

Что-то хочется пить,
 что-то сердце горит...

«И пить будем,
И гулять будем,

Коли смерть придет —
Помирать будем...»

Разбивали двери, врывались в кабаки:
«Эй, гуляй, ребятки, последние деньки!
Нынче можно, братики, веселиться нам.
Мы поедем завтра по своим домам».

Карусель на улицах, на улицах метелица.
«Осподи ж ты, боже мой, что ж такое делается!..»

Магазин. В витринах,
забывших замкнуться,

Яблоки сияют,
винограды вьются.

Подошла к витринам оравушка пьяная:
— Ой, братишки, яблоки!..—

Ударила метель.

Покатилось яблочко,
сочное, румяное,

Из дыры витринной
прямо на панель.

Гармонист, сукин сын,
чуб до подбородка,

Подхватил на лады,
подпустил чечеткой:

«Иэх, яб-блочко,
И куды котишься...»

Думали недолго, поддержали хором,
Под гармонь лихую, с хлестким перебором:

«К офицерам попадешь —
Не воротисься...»

На тротуаре летали подошвы,
В такт подгоняя каблучный ляск.

— Бейте, ребята, в литые ладоши!
Сыпьте, братишки, могучий пляс!..

«Иэх, яб-блочко...»

Но где-то за городом хмурым подряд
Захлопали гранаты, ухнул снаряд.
Холодок рассыпался дрожью по коже —
И стали трезвее, и стали строже.

Вышел один, — клещ, как парус, раздут,
Черные ленты — как два транспаранта:

— Братишки, то ж наших за городом бьют!
По нашим стреляет гадюга Антанта!

Почто же у нас ни винтов, ни гранат,
Когда же мы стали такие робкие?
А кто же революцию будет охранять?..

И пошла за винтами братва на коробки!

Но опять отделились,
Дали задний ход,
Сплюнули сквозь зубы: — Мы на пароход.
По Одессе-маме заскучали мы.
Мы разлукой очинно опечалены.

— Что ж, идите, гады!..

От края земли
Эти гады «Яблочко» к Махно занесли.
Обыватели захлопывали ставни,
Чтоб дрожать тихонько и несмело.
По ночам потели кровью камни,
По утрам земля огнем горела.

А бок о бок с городом,
 за высокой сопкой,
«Яблочко» шагало
 матросской походкой.

Рассказ о мальчике с бабочкой и девочке Лиле

I

Джаз-банд рокотанье мягкое
Льет из дверей ресторанных.
Офицерик умильно твякает:
— Мадам, пройдемся?..
— Какой вы странный!..
Я не дешевая...—
И пошла.
— Мадам, мы договоримся, конечно..
— Хорошо, голубчик. Идемте. Ша...

2

Кружится смрад, сизоватый и пряный.
 Пары, слипаясь, томно тоскуют.
 У женщин не губы, а свежие раны,
 И такими они целуют.
 Урчит сладострастно туша потная:
 — Гаспада, взгляните,
 Какая плотная-я...
 — А ножки?
 — Ах, ножки!
 Чудные ножки
 У этой крошки...

3

На перекрестке встретил крошку
 Мальчик с галстуком-бабочкой.
 — Лилечка, вы опоздали немножко.
 Дайте мне вашу лапочку...—
 Гуляют. Лиля головку склонила
 На плечико, ближе к бабочке.
 Стонет в кафе голубом тангонила,
 Сохнут в экстазе парочки.
 Бокалы звякают. Пьют за Русь.
 Кстати, пьют за союзников.
 Вьется по люстрам синяя грусть
 Серпантинной ленточкой узенькой.

4

Мальчик и Лиля заходят за угол.
 — Вася, готово?..
 — Готово.
 — Идем.

5

По улице тесной спокойно и сухо
 Стучат подошвы. Идут вдвоем.
 Замкнуты крепко кривые ворота.
 Парень и девушка. Уже и уже
 Сереньких тихих домишек окружье.

Кружится в улицах тесных дремота.
Остановились ребята. Тишь.
Молчит величаяя полночь, лишь
Слышен сердца прерывистый стук.

6

...Бутылка с клеем в кармане брюк.
Кисть протиснулась в горлышко узкое,
На камне оставила сочный мазок.
Откуда-то из-за ворота блузки
Лиля вытаскивает листок.
Застыли серые блики теней,
Но вот качнулись, громадные,
И дальше пошли. А на черной стене
Осталось пятно квадратное.
Подойдите — и крикнет листок измятый:
«Товарищи рабочие!
Товарищи солдаты!..»

7

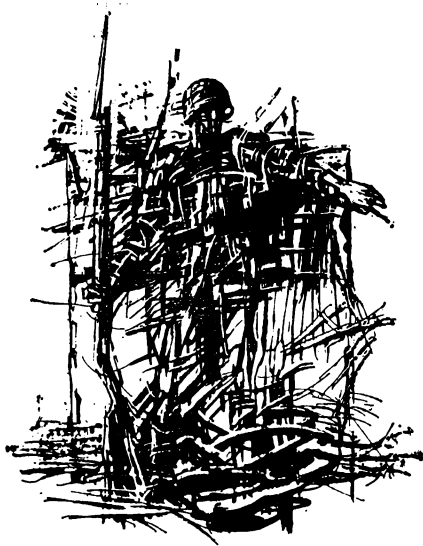
Патруль опускает шагов кувалды.
Идут эшелоны к окраине северной.
На Эгершельде глухие залпы
Падают в ночь тяжело и размеренно.

8

Все так же кружится пьяная улица,
Дымком сладковатым все так же курится.
Гуляют. Лиля головку склонила
На плечико, ближе к бабочке.
Стонет в кафе голубом тангонила,
Сохнут в экстазе парочки.
И катятся тосты в джазовом грохоте
За процветание нации...

9

Утром патрульный, ломая ногти,
Под смех рабочих сдирал прокламации.

НАСТУПЛЕНИЕ

Пугливо метнулись вороны
Над врытыми в снег валунами.
Вся в оспинах черных воронок
Поляна легла перед нами.

Немного правей, у болота,
Где бой завязался, наверно,
Как дятлы, стучат пулеметы,
Упорно и чуточку нервно.

Мы прыгаем с кочки на кочку,
Ложимся, за ротою рта,
И ухает глухо, как в бочку,
За спинами бас миномета.

«Вперед!..» Поднимаемся молча,
Повзводно, готовые к бою.
Над нами тягуче, по-волчьи,
Снаряды бризантные воют.

Невидные лыжные тропы
К поляне ведут, а за нею

От едкого дыма темнеют
В пологих сугробах окопы.

До них недалеко. Мы снова
Встаем, ожидая приказа.
Короткое резкое слово
По ротам пронесется сразу.

«В атаку!..» Четыреста глоток
«Ура!» понесли, подхватили
На скованных льдами болотах,
В наносах серебряной пыли.

Когда же надолго устали
Гранаты греметь,
Над штыками
Деревья, как пленные, встали
С простертыми к тучам руками.

*Март 1940
Москва*

СЛЕДЫ

Если на глади морской воды
восстановить следы
всех кораблей,
сколько б морщин увидала ты
на ней.
Сколько при свете полночных звезд
вновь бы легло борозд
моря на грудь,
и каждое судно оставило б хвост
длинный, как Млечный Путь.
Но море счастливо. Никогда
следов не хранит вода,
даже на берегу.
А я одного твоего следа
с жизни стереть не могу!

*Февраль
1941*

О ВОЛНАХ

Когда вечереет и закатное пламя
За морем вспыхивает реже и реже,
Ты видала, как волны припадают губами,
Розовыми и теплыми, к песку на побережье?
А когда над бухтой распустились звезды
Пушистыми почками в вечер пахучий,
Слышала ты, как полнится воздух
Жалобой моря, что песок неуступчив?
Волны тоскуют легко и привычно,
Волнам не спится, волнам рокочется.
А песок молчит, и ему безразлично,
Очень ли морю на берег хочется.
Чуть шевелится, млея, огромное,
Будто не море, а заводь в корытце.
Но однажды вздрогнет, от страсти темное,
И берегу некуда будет скрыться.
И ты увидишь — такое близкое,
Оно налетит, громохвая, шалое,
Стиснет в объятьях, сомнет и выласкает,
И уйдет, успокоенное и усталое.

*Февраль
1941*

Вячеслав АФАНАСЬЕВ
(1904—1943)

ДУМЫ

Крутятся, шумит над крышей непогода,
И стонет ветер в душных дымоходах,
И черный дождь о бледное окно
Стучит, стучит стеклянным кулаком.
О думы, думы поздних вечеров!
Как неустойчив этот теплый кров,
Как гулко в сердце отдает при этом
Осенний трепет стынущей планеты.

Ждать, каждый раз преодолая страх,
Когда тебя настигнет вечный мрак,
Иль утешаться мыслью о возмездье,
О превращенье атомных созвездий,
Чтоб стать песчинкой, каплей иль травой
И блекнуть вновь под млечною молвой.
Я знаю. Это низкая утроба
Трубит тоску, подняв тяжелый хобот,
Как мамонт, сбитый бурей седой,
Грозил Сибири мерзлую бедой.
То марш последний славе одиноких.
Рыдает ливень в тесном водостоке.
Скрипит, шатаясь, мой падучий дом,
Развеяв дым, и дышит он с трудом
Своим дыханьем затхлым и нечистым,
Сквозь щели прорывается со свистом,
Ушами ставней машет.
Но невмочь
Преодолеть ему слепую ночь.
И гнутся балки грузные, зачахнув,
Слезясь грибком и осыпаясь прахом —
Наследством дряхлым прадедов скупых,
Чьи мысли тлели, грубы и тупы,

Закованные в сундуки богатства,
В мощну с деньгою, саваном и святцами.
Ужели кровь их мерзкая во мне?
Чтоб тлеть всю жизнь на медленном огне,
Скупцом бессмысленным до самой крышки гроба,
Копаясь в чувствах собственной особы,
И волком одиноким выть:
«Быть или не быть?..»
Скрипит, шатаясь, мой падучий дом,
Развевая дым, и дышит он с трудом.

Но за дрожащим гулом непогоды
Я слышу поступь твердую походов
И голоса друзей, далеких мне,
Перекликающихся дружно в мгле.
Вот круглый рокот колеса и свист —
То гордый поезд гонит машинист,
Кричат гудки, — в моря плывут матросы,
Стучит топор в стволы высоких сосен,
Ружьем гремит отважный зверобой,
Поет шахтер, спускаясь в забой,
И мать, склонясь над легкой колыбелью,
Мурлычет песнь о жизни и о деле.
Я слышу вас, я к вам иду, друзья,
Все лучшее из прожитого взяв.
И пусть над нами воеет непогода,
И пусть линяет дикая природа,
Все заглушает шум густой крови:
Иди работай и твори. Живи.

1934

* * *

В час, когда на каменных накатах
Чуть звенел прилив — волна к волне,
Золотые корабли заката
Проплывали в алой вышине.

Бастионы солнечной державы,
Шли они при флагах и огнях,
Паруса вздымались величаво,
И сверкали пушки на бортах.

Кто их вел, какие капитаны —
Неземные эти чудеса?
Далеко за гладью океана
Постепенно гасли паруса

И пропали. Пепельною тенью
Покрывалась тихая земля...
О, пускай то было лишь виденье!
То — мечта, то — молодость моя!

Вы скажете:
«Комната мала...»
И спросите:
«Девушки не придут?»
Сегодня мы будем с вами одни.
Садитесь, товарищ, поговорим.
Какое время! Какие дни!
Нас громят или мы громим?
Я вас спрошу,
И ответите вы:
«Мы побеждаем,
Мы правы».
Но где ни взглянешь — враги, враги...
Куда ни пойдешь — враги.
Я сам себе говорю — беги!
Скорее беги.
Быстрее беги.
Скажите — я прав?
И ответите вы:
«Товарищ, вы неправы!»

Потом поговорим о стихах
(Они всегда на пути).
Потом вы скажете:
«Чепуха!
Прощайте, мне надо идти!»
Я снова один,
И снова мир
В комнату входит мою,
Я трогаю пальцами его,
Я песню о нем пою.
Я делаю маленький мазок,
Потом отбегаю назад
И вижу: мир зажмурил глазок,
Потом открыл глаза.
Потом я его обниму, прижму.
Он круглый, большой, крутой.
И гостю ушедшему моему
Мы вместе махнем рукой.

1938

КАРТИНКА

Тихо плавая, качаются
Облака в большом кругу.

То исчезнут, то встречаются,
То собой осоку мнут.
И рыбак седой, угрюмый,
Наклонившись над водой,
Весь объятый странной думой,
Разговор ведет с собой.
Он глядит сосредоточенно
На огромный поплавок:
Скоро ль будет приурочено
С силой выдернуть крючок?
А кувшинки якорь бросили
И желтеют вдалеке...
Это — гимн далекой осени,
Это — свежести букет.

1938

ДОРОГА В ЖИЗНЬ

Почему же этой ночью
Мы идем с тобою рядом?
Звезды в небе — глазом волчьим...
Мы проходим теплым садом.
По степи необозримой,
По дорогам, перепутьям...
Мимо дома, мимо дыма
Узнаю по звездам путь я.

Мимо речки над горою,
Через южный влажный ветер...
Я да ты, да мы с тобою.
Ты да я с тобой на свете.
Мимо пруда, мимо сосен,
По кустам, через кусты,
Мимо лета, через осень,
Через поздние цветы...
Мы идем с тобою рядом...
Как же вышло? Как поймешь?
Я остановлюсь. Присяду.
Ты по-прежнему идешь.
Мимо фабрики далекой,
Мимо птицы на шесте,
Мимо девушки высокой —
Отражения в воде..

1938

* * *

Я много лет сюда не приезжал,
Я много лет сюда не возвращался.
Здесь мальчигом я голубей гонял,

Бродил по лесу, в озере купался.
На эти сосны мне не наглядеться.
Пойти гулять иль на траве прилечь?
Здесь все мое!
Здесь проходило детство,
Которого не спрятать, не сберечь.
И яблоки, и свежий запах мяты,
Орешника высокие кусты,
Далекие вечерние закаты,
Знакомые деревья и цветы...
И весла надрываются и стонут,
И лодка наклоняется слегка...
А над рекой туман плывет,
И тонут
Измятые водою облака.
Деревья тянутся к простору, к солнцу,
Еще я молодыми помню их.
Здесь все как прежде!
Только детства нету
И нет уже товарищей моих.

1939

* * *

Уходило солнце. От простора
У меня кружилась голова.
Это ты та девушка, которой
Я дарил любимые слова.
Облака летели — не достанешь,
Вот они на север отошли...
А кругом, куда пойдешь иль взглянешь,
Только степь да синий дым вдали.
Средь прохлады воздуха степного
Легких ощутима глубина.
Ветер налетел... И снова, снова
Ясная вставала тишина,—
Это ночь. И к нам воспоминанья
Темные раздвинули пути...
Есть плохое слово «расставанье» —
От него не скрыться, не уйти.

1939

Мы вышли в сад
(Ты даже позабыла
Надеть пальто).
А нас встречает осень.
Она хрустит,
Так лишь хрустят суставы
Замерзших пальцев,
И к ногам слетает
Упругим яблоком,
Блестящим и холодным.
Мы вышли в сад.
И нам понятно стало,
Что детство кончилось,
Что этот сад,
Где раньше
Мы бегали,
Ловили птиц,
Смеялись,—
Теперь нам дорог
Как воспоминанье.
Калитка скрипнула.
Мы повернули вправо
И по мощеной улице пошли.
Тому назад лет десять,
По утрам,
Когда рассвет невнятно начинался,
Здесь шел пастух,
А перед ним покорно,
Сосредоточенно брели коровы.
И мы задумались...
Но вдруг из-за угла,
Подрагивая и гудя истошно,
Тяжелый показался грузовик.
За ним еще один...
Мы поспешили
Скорее удалиться с мостовой.
Шоферы презирали нас, наверно.
Мы молоды, свободны,
Нам не нужно
О прошлом, о далеком вспоминать.
Нам некому завидовать:
Мы сами

Огромный поворачиваем мир.
И то, что раньше в этом городке
Ютилось тихо и беспечно жило,
Вставало утром и на рынок шло,
И перед домом клумбы разбивало,—
Мы взяли в руки!
И, как в сказке, вырос
Прекрасный город силы и здоровья,
Веселым юношей с веселыми глазами!

.
Тебе не холодно?
Накинь мое пальто,
Взгляни кругом.
Ты видишь — этот город
Упорной нашей дружбой зарожден.

1940

* * *

Ты помнишь дачу
И качели
Меж двух высоких тополей,
Как мы взлетали и немели
И, удержавшись еле-еле,
Смеялись,
А потом сидели
В уютной комнате твоей?
Был час, когда река с луною
Заводит стройный разговор,
Когда раздумывать не стоит
И виснут вишни за забор.
На дачку едешь наудачку —
Друзья смеялись надо мной:
Я был влюблен в одну чудачку
И бредил дачей и луной.
Там пахло бабушкой и мамой,
Жила приличная семья,
И я твердил друзьям упрямо,
Что в этом вижу счастье я,
Не понимая, что влюбился
Не в девушку, а в тишину,
В цветок, который распустился,
Встречая летнюю луну.

Здесь, ни о чем не беспокоясь,
Любили кушать и читать;
И я опаздывал на поезд
И оставался ночевать.
Я был влюблен в печальный рокот
Деревьев, скованных луной,
В шум поезда неподалеку
И в девушку, само собой.

1941

* * *

Бывает так, что в тишине
Пережитое повторится.
Сегодня дальний свист синицы
О детстве вдруг напомнил мне.
И это мама позабыла
С забора трусики убрать...
Зимует Кунцево опять,
И десять лет не проходило.

Пережитое повторится...
И папа в форточку свистит,
Синица помешала бриться,
Синица к форточке летит.
Кляня друг друга, замерзая,
Подобны высохшим кустам,
Птиц недоверчивых пугая,
Три стихотворца входят к нам.

Встречает их отец стихами,
Опасной бритвою вода.
И строчки возникают сами
И забывают про меня.

1941

* * *

Нам не жить, как рабам,
Мы родились в России,
В этом наша судьба,
Непокорность и сила.

1941

Мне противно жить не раздеваясь,
 На гнилой соломе спать.
 И, замерзшим нищим подавая,
 Надоевший голод забывать.

Коченея, прятаться от ветра,
 Вспоминать погибших имена,
 Из дому не получать ответа,
 Барахло на черный хлеб менять.

Дважды в день считать себя умершим,
 Путать планы, числа и пути,
 Ликовать, что жил на свете меньше
 Двадцати.

1941

ОЖИДАНИЕ

Мы двое суток лежали в снегу.
 Никто не сказал: «Замерз, не могу».
 Видели мы — и вскипала кровь —
 Немцы сидели у жарких костров.
 Но, побеждая, надо уметь
 Ждать, негодуя, ждать и терпеть.
 По черным деревьям всходил рассвет,
 По черным деревьям спускалась мгла.
 Но тихо лежи, раз приказа нет,
 Минута боя еще не пришла.
 Слушали (таял снег в кулаке)
 Чужие слова, на чужом языке.
 Я знаю, что каждый в эти часы
 Вспомнил все песни, которые знал,
 Вспомнил о сыне, коль дома сын,
 Звезды февральские пересчитал.
 Ракета всплывает и сумрак рвет.
 Теперь не жди, товарищ! Вперед!
 Мы окружили их блиндажи,
 Мы половину взяли живьем...
 А ты, ефрейтор, куда бежишь?!
 Пуля догонит сердце твое.
 Кончился бой. Теперь отдохнуть,
 Ответить на письма... И снова в путь!

1942

ВСТРЕЧА

Был глух и печален простой рассказ
(Мы в горе многое познаем)
Про смерть, что черной грозой пронеслась
Над тихой деревней ее.
...Немало дорог нам пришлось пройти,
Мы поняли цену войне.
Кто, встретив женщину на пути,
О милой не вспомнит жене?
...Она стояла, к стене прислонясь,
В промерзших худых башмаках.
Большими глазами смотрел на нас
Сын на ее руках.
«Германец хату мою поджег.
С сынишкой загнал в окоп.
Никто на улицу выйти не мог:
Появишься — пуля в лоб.
Пять месяцев солнца не видели мы.
И только ночью, ползком,
Из липкой копоти, грязи и тьмы
Мы выбирались тайком.
Пусть знает сын мой, пусть видит сам,
Что этот разбитый дом,
Студеные звезды, луну, леса
Родиной мы зовем!
Я верила — вы придете назад.
Я верила, я ждала...»
И медленно наверху слеза,
По бледной щеке потекла...
Над трупами немцев кружит воронье.
На запад лежит наш путь.
О женщине этой, о сыне ее,
Товарищ мой, не забудь!

1942

Борис БОГАТКОВ
(1922—1943)

* * *

Хоть становлюсь я угрюмым, упорным,
Меня иногда, как прежде, влекут
В дымное небо кричащие горы,
Знамена, стреляющие на ветру...

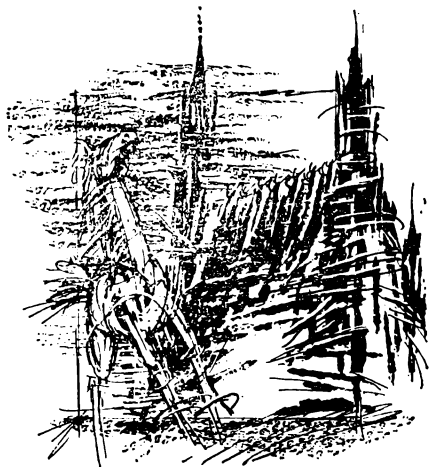
Но это случается реже, реже.
И, видимо, скоро в последний раз
Почудится мне оружия скрежет,
Каменных стен огромные брусья...
Крепость в дыму, крепость в огне.
И, возглавляя отряды, мчусь я
На безусловно белом коне.

Что там на башне: не флаг ли белый,
Или вспорхнул от выстрелов дым?
Проломы в стене — не ловушка смелым,
Они — триумфальные арки им!

Мой скакун пролетает над бездной.
Рвы за спиною. Вперед! Вперед!
Все ближе, ближе топот железный,
Вдруг распахнулись ворота! И вот,

Качнув головой, улыбаюсь устало:
Борис, Борис, довольно сражаться.
Ведь тебе ни много ни мало —
Уже почти девятнадцать.

1940?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Два шага от стены к окну,
Немного больше в длину —
Ставшая привычной уже
Комнатка на втором этаже.
В нее ты совсем недавно вошел,
Поставил в угол костыль,
Походный мешок опустил на стол,
Смахнул с подоконника пыль
И присел, растворив окно.
Открылся тебе забытый давно
Мир:
Вверху — голубой простор,
Ниже — зеленый двор,
Поодаль, где огород,
Черемухи куст цветет...

И вспомнил ты вид из другого жилья:
Разбитые блиндажи,
Задымленные поля
Срезанной пулями ржи.
Плохую погоду — солнечный день,
Когда, бросая густую тень,
Хищный «юнкерс» кружил:

Черный крест на белом кресте,
Свастика на хвосте.
«Юнкерс» камнем стремился вниз
И выходил в пику.
Авиабомб пронзительный визг,
Грохот невдалеке;
Вспомнил ты ощутимый щекой
Холод земли сырой,
Соседа, закрывшего голой рукой
Голову в каске стальной,
Пота и пороха крепкий запах...
Вспомнил ты, как, небо закрыв,
Бесформенным зверем на огненных лапах
Вздыбился с ревом взрыв.

...Хорошо познав на войне,
Как срок разлуки тяжел,
Ты из госпиталя к жене
Все-таки не пришел.
И вот ожидаешь ты встречи с ней
В комнатке на этаже втором,
О судьбе и беде своей
Честно сказав письмом.
Ты так поступил, хоть уверен в том,
Что ваша любовь сильна,
Что в комнатку на этаже втором
С улыбкой войдет жена
И руки, исполненные теплом,
Протянет к тебе она.

1942

* * *

У эшелона обнимемся.
Искренняя и большая,
Солнечные глаза твои
Вдруг затуманит грусть.
До ноготков любимые,
Знакомые руки сжимая,
Повторю на прощанье:
«Милая, я вернусь».
Я должен вернуться, но если...
Если случится такое,

Что не видать мне больше
Суровой родной страны, —
Одна к тебе просьба, подруга:
Сердце свое простое
Отдай ты честному парню,
Вернувшемуся с войны.

Декабрь 1942

* * *

Проходит поезд через лес,
Колесами стучит.
По крепким шпалам льются рельс
Тяжелые ручьи.

И, к небесам стремясь пустым,
Средь сосен и берез,
Летит такой же русый дым,
Как прядь твоих волос,

Да пляшет, утомляя взгляд,
Деревьев хоровод:
Все ближние бегут назад,
А дальние — вперед.

1942

ДЕВЯТЬ НОЛЬ-НОЛЬ

Не жизнью — патронами дорожа,
Гибли защитники рубежа
От пуль, от осколков мин.
Смолкли винтовки... И наконец
В бою остались: один боец
И пулемет один.
В атаку поднялся очередной
Рассвет. Сразился с ночной мглой,
И отступила мгла.
Тишина грозовая. Вдруг
Матрос услышал негромкий стук.
Недвижны тела,
Но застыла над грудой тел
Рука. Не пот на коже блестел —

Мерцали капли росы.
Мичмана, бравого моряка,
Мертвая скрюченная рука,
На ней живые часы.
Мичман часа четыре назад
На светящийся циферблат
Глянул в последний раз
И прохрипел, пересилив боль:
«Ребята, до девяти ноль-ноль
Держаться. Таков приказ».
Ребята молчат. Ребята лежат.
Они не оставили рубежа...
Дисков достаточно. С ревом идет,
Блеск штыков выставляя вперед,
Атакующий вал.
Глянул матрос на часы: восьмой,
И пылающе щекой
К автомату припал.
Еще атаку матрос отбил.
Незаметно пробравшись в тыл,
Ползет фашистский солдат:
В щучьих глазах — злоба и страх.
Гранаты в руках, гранаты в зубах,
За поясом пара гранат...
Матрос с гранаты сорвал кольцо,
Дерзко крикнул врагу в лицо:
«Ну, Фриц! Взлетим, что ль,
За компанию до облаков?»
От взрыва застыли стрелки часов
На девяти ноль-ноль.

1943

Дмитрий ВАКАРОВ
(1920—1945)

БУНТАРИ

Детство без ласки,
жизнь без любви...
Сердце, мужайся —
мы бунтари!

Ждем мы с востока
волю и свет.
Братьям далеким
шлем мы привет.

Хватит молитвы;
юность, гори!
Жизнь наша — битва,
мы — бунтари!

МОЙ ТОВАРИЩ

Кто любит молот,
Кто любит плуг —
Тот мой товарищ,
Мой брат и друг.

Кто ценит волю,
Кто ценит труд —
Мои призывы
Того найдут.

Кто проклял рабство,
Кто проклял гнет —
Тот путь к свободе
Со мной найдет.

СЛЕЗЫ

Слезы бессильные,
Слезы обильные
Льются в глуши.
С ними стекает,
С ними слетает
Горечь с души.

Слезы народные,
Слезы горячие
Льются-текут.
Слезы отчизны
К мести-расплате
Всех нас зовут.

Злоба святая
В сердце моем.
Я призываю
Ночью и днем:
Бей чем попало,
Бей топором!

Я БЬЮ ПЕРОМ!

Ты пьешь вино,
Я воду пью.
Ты пьешь коньяк,
Я горечь пью.

Что хвалишь ты,
То я браню,
Ты продал честь,
Я честь храню.

Ты любишь чин,
Я труд люблю.
Ты любишь грош,
Я жизнь люблю.

Ты любишь кнут,
Ты бьешь кнутом.
Я правдой бью,
Я бью пером.

Я на тебя
Недаром злюсь.
Однажды я
С тобой столкнусь!

ВПЕРЕД

Отчизна родная,
От края
 до края,
Тебя
 облетаю.
Всё вижу,
 все знаю:
Есть голод,
 есть горе.
Нет хлеба,
 нет воли.
Отчизна родная,
От края
 до края
Все вижу,
 все знаю.
Ношусь
 и летаю,
Прошу
 и взываю:
Восстаньте, рабы!
Не бойтесь судьбы!
От края
 до края
Лечу, залетаю,
Кричу,
 заклинаю:
Вставай, мой народ,
За вольность — вперед!

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Алмаз мне нравится —
 Он очень тверд;
Орел мне нравится —
 Он смел и горд;

Мне лев бесстрашный нравится —
Он полон сил;
Мне взор подруги нравится —
Он ласков, мил.
Люблю я звезды беспокойные,
Что ярче всех;
Люблю мелодии я стройные —
В них стон и смех;
Люблю я сердце непокорное —
Свободный дух;
Люблю я счастье непритворное
Влюбленных двух.
Люблю я все, что гармоничное,
Что — как она,
Все, что простое,
Вечное,
Чем жизнь полна.

9 января 1941
с. Иза, Закарпатье

* * *

Немного лет пройдет,
и люди дружно, смело
Оковы сокрушат
и сбросят царство тьмы.
О, как бы мне
дожить до этого хотелось,
Чтобы не знать ни гнета,
ни тюрьмы!

1942
Будапешт

Леонид ВИЛКОМИР
(1912—1942)

ВДОХНОВЕНИЕ

Пришло оно.
Свободно и покорно
Ложатся строчки...
Так растет листва,
Так дышит соловей,
Так звуки льет валторна,
Так бьют ключи,
Так стынет синева.
Его огонь и силу торопитесь
Вложить в дела.
Когда оно уйдет,
Почувствуешь, что ты —
Ослепший живописец,
Оглухший музыкант,
Низвергнутый пилот.

1934

ПРОШЕДШАЯ ЛЮБОВЬ

Холодное, как утренний рассвет,
Рукопожатье нас объединило.
Один вопрос, еще один ответ.
Как будто не было того, что с нами было...

И так всегда. Спеш иль не спеш,
Идя пешком; схитри и сядь на поезд,
Гони всю, но от ее души
Увидишь тень, воспоминанья то есть.

1935

* * *

Жизнь моя не повторится дважды.
Жизнь не песня, чтобы снова спеть.
Так или иначе, но однажды
Мне придется тоже умереть.

Как бы я ни прожил свои годы,
Я прошу у жизни: подари
Вкус воды и запах непогоды,
Цвет звезды и первый взлет зари.

Пусть и счастье не проходит мимо,
Не жалея самых светлых чувств.
Если смерть и впрямь неотвратима,
Как я жить и думать разучусь?

1935
Москва

* * *

Чуть-чуть недоспать,
Чуть-чуть недоесть,
Но чтобы в руках гудело.

Это самое что ни на есть
Мое настоящее дело.

Как радостно видеть
Готовый пролет,
Первой вагранки литье
И чувствовать, что ежедневно растет
Настоящее дело мое!

1936
Нижний Тагил

БЕССМЕРТИЕ

Мы ели хлеб и пили воду.
Не до веселья было нам.
Мы покоряли непогоду,
Считая годы по зубам.

Я сохраню былую ярость,
Войдя к потомкам поутру.
У них, как памятник, состарюсь,
Как память сдам, но не умру.

1936

* * *

По тебе давно тоскую,
О судьбе твоей пекусь,
Потерять тебя рискую,
Полюбить тебя учусь.

Дочь владимирской слободки,
Внучка выплаканных лет,
Громкий первенец молодки,
Вся в мамашу — спору нет.

Никому я так не верю,
Как тебе. В любой глуши
Быстрым взором я измерю
Глубину твоей души.

Никого я так не знаю,
Как тебя. И в грозный час
Вражья пуля нарезная
Разлучить не сможет нас.

Скован я с тобой на годы
Детством, верностью, судьбой.
В год военной непогоды
Повстречались мы с тобой.

1940
Владимир

* * *

Мы победим. Мои — слова,
Моя — над миром синева,
Мои — деревья и кусты,
Мои — сомненья и мечты.

Пусть на дыбы встает земля,
Вопит, и злобствует, и гонит,—
Меня к своим ногам не склонит,
Как в бурю мачты корабля.

Я буду жить, как я хочу:
Свободной птицею взлечу,

Глазам открою высоту,
В ногах травую прорасту,

В пустынях разольюсь водой,
В морях затрепещу звездой,
В горах дорогой пробегу.
Я — человек, я — все могу!

1941

Павел ВИНТМАН
(1918/19?—1942)

БЕЗЗВУЧНАЯ СИМФОНИЯ

Короткий гром — глухой обвал.
Рожденье света и озона.
Далеких молний карнавал
Над четко-черным горизонтом.

Родиться, вспыхнуть, осветить.
Исчезнуть, не видав рассвета...
Так гаснут молнии в степи,
Так гибнут звезды и поэты.

* * *

Ветер юности, ветер странствий,
Я люблю тебя, я люблю!
Оттого и готов я «здравствуй!»
Крикнуть каждому кораблю.

Я и сам ведь корабль. Недаром
Немила мне земная гладь,
И подруга моя, как парус,
Высока, и чиста, и светла.

И недаром, из песен вырван,
Книгу наших путей открыв,
Он стоит на крутом обрыве,
Романтический город Киев.

1939 ГОД

Весенняя сорвала буря
Повестки серенький листок.
Забудет девушка, забудет —
Уехал парень на Восток.

Друзья прощаются внезапно.
Сырая ночь. Вокзал. Вагон.
И это значит: снова Запад
Огнем и кровью обагрен.

Снег перестал и снова начал,
Напоминая седину.
Уехал сын. Уехал мальчик
В чужую Севера страну.

Да будет вечно перед нами,
Как данный в юности обет,
Год, полыхающий как пламя
Разлук, походов и побед!

* * *

Вчера был бой, и завтра будет бой
(Святая цель оправдывает средства).
Пусть скомкан мир прозрачно-голубой,
Забут покой, разбито детство,
И нам осталось — всюду и везде —
Бои, победы, жаркий хмель азарта...
Вчера был день. И завтра будет день.
Мы — только ночь между вчера и завтра.

* * *

Романтика седых ночей,
Романтика солдатских щей,
Колес неровный перебой,
За мной, романтика, за мной!

Пусть хлеб солдата черств и груб,
Пускай суров заплечный груз,
Жесток подъем, свиреп отбой, —
За мной, романтика, за мной!

Захар ГОРОДИССКИЙ
(1923—1943)

МИЛАЯ МОЯ

Мы с тобою у реки,
Только ты да я.
Собираем васильки,
Милая моя.

В волосах твоих цветы...
Только ты да я...
Весело смеешься ты,
Милая моя.

Никого — кругом лишь лес,
Только ты да я...
Слышен речки тихий плеск,
Милая моя.

Солнце путь свой совершит...
Только ты да я...
Отдохнем в лесной тиши,
Милая моя.

Отдохнем — пойдем домой...
Только ты да я...
Мы счастливые с тобой,
Милая моя!

11 марта 1940

* * *

Здесь все по-прежнему;
Смеющиеся лица...
Жара и пыль... Красавцы тополя,
А где-то там,
На западной границе,
Перемешались небо и земля...

1941

* * *

Серый пепел выжженных полей,
Камни разоренных деревень...
Пни и угли — вместо тополей,
Вместо солнца — сумрачная тень...

Здесь забыли отдых и покой,
Здесь все время в воздухе висит
Черный дым разрывов над рекой,
Над густыми ветками раки.

Здесь не знают, что такое сон.
Вверх взлетает рыхлая земля.
Здесь огонь и смерть со всех сторон
И травой заросшие поля...

Ночью от ракет светло как днем,
Днем темно от дымовых завес.
Люди под губительным огнем
Роят блиндажи, таскают лес.

Зорко смотрит часового глаз,
Спорит с пулеметом пулемет.
Все готовы к бою, каждый час
Ждут приказа двинуться вперед!

12 апреля 1943

Если мне смерть повстречается близко
И уложит с собою спать,
Ты скажешь друзьям, что Захар Городисский
В боях не привык отступать.

Что он, нахлебавшись смертельного ветра,
Упал не назад, а вперед,
Чтоб лишних сто семьдесят два сантиметра
Вошли в завоеванный счет.

9 августа 1943

Муса ДЖАЛИЛЬ
(1906—1944)

* * *

Былые невзгоды,
И беды, и горе
Промчатся, как воды,
Забудутся вскоре.

Настала минута,
Лучи засияли,
И кажется, будто
Не знал ты печали.

Но ввек не остудишь
Под ветром ненастья,
Но ввек не забудешь
Прошедшего счастья.

Живете вы снова,
И нет вам забвенья,
О, счастья людского
Часы и мгновенья!

1942

ПРОСТИ, РОДИНА!

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.

Кто посмеет сказать, что я тебя предал?
Кто хоть в чем-нибудь бросит упрек?
Волхов — свидетель: я не струсил,
Пылинку жизни моей не берег.

В содрогающемся под бомбами,
Обреченном на гибель кольце,
Видя раны и смерть товарищей,
Я не изменился в лице.

Слезинки не выронил, понимая:
Дороги отрезаны. Слышал я:
Беспощадная смерть считала
Секунды моего бытия.

Я не ждал ни спасенья, ни чуда.
К смерти взывал: приди! добей!..
Просил: избавь от жестокого рабства!
Молил медлительную: скорей!..

Не я ли писал спутнику жизни:
«Не беспокойся,— писал,— жена,
Последняя капля крови капнет —
На клятве моей не будет пятна».

Не я ли стихом присягал и клялся,
Идя на кровавую войну:
«Смерть улыбку мою увидит,
Когда последним дыханьем вздохну».

О том, что твоя любовь, товарищ,
Смертный огонь гасила во мне,
Что родину и тебя любил я,
Кровью моей напишу на земле.

Еще о том, что буду спокоен,
Если за родину смерть приму.
Живой водой эта клятва будет
Сердцу смолкающему моему.

Судьба посмеялась надо мной:
Смерть обошла — прошла стороной.
Последний миг — и выстрела нет!
Мне изменил
 мой пистолет...

Скорпион себя убивает жалом,
Орел разбивается о скалу.
Разве орлом я не был, чтобы
Умереть, как подобает орлу?

Поверь мне, родина, был таким я,—
Горела во мне орлиная страсть!
Уж я и крылья сложил, готовый
Камнем в бездну смерти упасть.

Что делать?

Отказался от слова,
От последнего слова, друг пистолет.
Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль занесла мой кровавый след...

...Вновь заря над колючим забором.
Я жив, и поэзия не умерла:
Пламенем ненависти исходит
Раненое сердце орла.

Вновь заря над колючим забором,
Будто подняли знамя друзья!
Кровавой ненавистью рдеет
Душа полоненная моя!

Только одна у меня надежда:
Будет август. Во мгле ночной
Гнев мой к врагу и любовь к отчизне
Выйдут из плена вместе со мной.

Есть на друзей у меня надежда,—
Сердце стремится к одному:
В ваших рядах идти на битву
Дайте, товарищи, место ему!

Июль 1942

ВОЛКИ

Люди кровь проливают в боях:
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи, вблизи
Рыщут волки всю ночь напролет.

Разгораются волчьи глаза:
Сколько мяса людей и коней!
Вот одной перестрелки цена!
Вот ночной урожай батарей!

Волчьей стаи вожак матерый,
Предвкушением пира хмелен,
Так и замер:

его пригвоздил
Чуть не рядом раздавшийся стон.

То, к березе припав головой,
Бредил раненый, болью томим,
И береза качалась над ним,
Словно мать убивалась над ним.

Всё, жалеючи, плачет вокруг,
И со всех стебельков и листков
Оседает в траве не роса,
А невинные слезы цветов.

Старый волк постоял над бойцом,
Осмотрел и обнюхал его,
Для чего-то в глаза заглянул,
Но не сделал ему ничего...

На рассвете и люди пришли;
Видят: раненый дышит чуть-чуть,
А надежда-то все-таки есть
Эту искорку жизни раздуть.

Люди в тело загнали сперва
Ракаленные шомпола,
А потом на березе, в петле,
Эта слабая жизнь умерла...

Люди кровь проливают в боях:
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи, вблизи
Рыщут волки всю ночь напролет.

Что там волки! Ужасней и злей —
Стаи хищных двуногих зверей.

Март 1943

ВАРВАРСТВО

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.

У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Пришел хмельной майор и медными глазами
Окинул обреченных... Мутный дождь
Гудел в листве соседних рощ
И на полях, одетых мглюю,
И тучи опустились над землею,
Друг друга с бешенством гоня...

Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля.

Своими видел я глазами,
Как солнце скорбное, омывтое слезами,
Сквозь тучу вышло на поля,
В последний раз детей поцеловало,
В последний раз...
Шумел осенний лес. Казалось, что сейчас
Он обезумел. Гневно бушевала
Его листва. Сгущаясь мгла вокруг.
Я слышал: мощный дуб свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох тяжелый.
Детей внезапно охватил испуг,—
Прижались к матерям, цепляясь за
подолы.

И выстрела раздался резкий звук,
Прервав проклятье,
Что вырвалось у женщины одной.
Ребенок, мальчуган больной,
Головку спрятал в складках платья
Еще не старой женщины. Она
Смотрела, ужаса полна,
Как не лишиться ей рассудка!
Все понял, понял все малютка.
«Спрячь, мамочка, меня! Не надо
умирать!» —

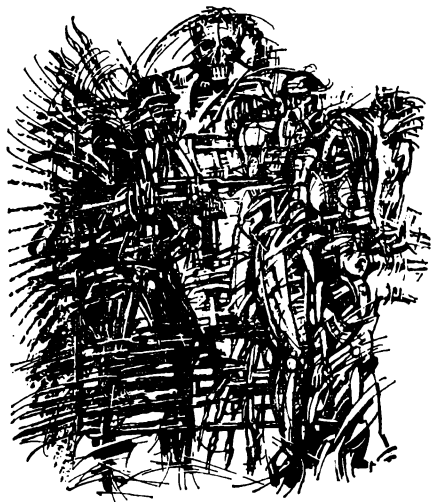
Он плачет и, как лист, сдержать не может дрожи.
Дитя, что ей всего дороже,
Нагнувшись, подняла двумя руками мать,
Прижала к сердцу, против дула прямо...
«Я, мама, жить хочу. Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь?»
И хочет вырваться из рук ребенок,
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.
«Не бойся, мальчик мой. Сейчас

вдохнешь ты вольно.

Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.
Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно».
И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее красной лентой извиваясь.

Две жизни наземь падают, сливаясь,
Две жизни и одна любовь!

Гром грянул. Ветер свистнул в тучах,
Заплакала земля в тоске глухой.
О, сколько слез, горячих и горячих!
Земля моя, скажи мне, что с тобой?

Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?

Страна моя, враги тебе грозят,
Но выше подними великой правды знамя,
Омой его земли кровавыми слезами,
И пусть его лучи пронзят.

Пусть уничтожат беспощадно
Тех варваров, тех дикарей,
Что кровь детей глотают жадно,
Кровь наших матерей...

Октябрь 1943

НЕ ВЕРЬ!

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал, упал он»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня..

Кровью со знамени клятва зовет:
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправе ли я устать и отстать?
Так вправе ли я упасть и не встать?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне моей?
Да что же останется в жизни моей?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он. Муса уже мертвый»,—
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.

Холодное тело засыплет земля,—
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто мертвецом
Тебя назовет, если был ты борцом?!

20 ноября 1943

ПАЛАЧУ

Не преклоню колен, палач, перед тобою,
Хотя я узник твой, я раб в тюрьме твоей.
Придет мой час — умру. Но знай: умру я стоя,
Хотя ты голову отрубишь мне, злодей.

Увы, не тысячу, а только сто в сраженье
Я уничтожить смог подобных палачей.
За это, возвратясь, я попрошу прощенья,
Колена преклонив, у родины моей.

Ноябрь 1943

ПОСЛЕДНИЙ СТИХ

Сияет прелесть мира,
Лякует вдалеке,—
В тюрьме темно и сыро,
И двери на замке.

Птенец летит, теряясь
В веселых облаках,—
Я на полу валяюсь
В тяжелых кандалах.

Цветок растет на воле,
Обрызганный росой,—
А я увял от боли,
Задушенный тюрьмой.

Я в жизнь влюблен, я знаю
Кипенье чувств живых,—
И вот я умираю,
Мой стих — последний стих.

1943

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Андре Тиммермансу

Здесь нет вина. Так пусть напитком
Нам служит наших слез вино!
Нальем! У нас его с избытком.
Сердца насквозь прожжет оно.
Быть может, с горечью и солью
И боль сердечных ран пройдет...
Нальем! Так пусть же с этой болью
Уходит сорок третий год.

Уходишь, борода седая,
Навеки землю покидая?
Ты крепко запер нас в подвал.
Прощай! На счастье уповая,
Я поднимаю мой бокал.
Довольно жизням обрываться!
Довольно крови утекло!
Пусть наши муки утолятся! -
Пусть станет на душе светло!

Да принесет грядущий Новый
Свободу сладкую для нас!
Да снимет с наших рук оковы!
Да вытрет слезы с наших глаз!
Согрев целебными лучами,

Тюремный кашель унесет!
И в час победы пусть с друзьями
Соединит нас Новый год!

Пусть будут жаркие объятия
И слезы счастья на очах!
Пускай в честь нас печет оладьи
В родном доме родной очаг!
Да встретятся жена и дети
С любимым мужем и отцом!
И чтобы в радостной беседе,
Стихи читая о победе
И запивая их вином,
Истекший год мы провожали
И наступающий встречали
За пышным праздничным столом!..

1 января 1944

Владислав ЗНАДВОРОВ
(1914—1942)

ЩИТ

Мы щит нашли на поле Куликовом
Среди травы, в песке заросших ям.
Он медью почерневшей был окован
И саблями изрублен по краям.

Безвестный ратник здесь расстался с жизнью,
Подмят в бою татарским скакуном,
Но всё же грудь истерзанной отчины
Прикрыл он верным дедовским щитом.

И перед ним в молчании глубоком
Мы опустили шапки до земли,
Как будто к отдаленнейшим истокам
Могучего потока подошли.

...Что станет думать дальний наш потомок
И чем его наполнится душа,
Когда штыка трехгранного обломок
Отыщет он в курганах Сиваша?

<1940>

ПОХОДНЫЙ РЮКЗАК

Над моею кроватью
все годы висит неизменно
Побуревший на солнце,
потертый походный рюкзак.
В нем хранятся консервы,
одежды запасная смена,
В боковом отделении —
завернутый в кальку табак.

Может, завтрашней ночью
прибудет приказ управления
И, с тобой не простившись,
рюкзак я поспешно сниму...
От ночлега к ночлегу
лишь только дорога оленья
Да в мерцании сполохов
берег, бегущий во тьму.
Мы изведали в жизни
так много бессрочных прощаний,
Что умеем разлуку
с улыбкой спокойной встречать,
Но ни разу тебе
не писал я своих завещаний,
Да, по совести,
что я сумел бы тебе завещать?
Разве только, чтоб рукопись
бережно спрятала в ящик
И прикрыла газетой
неоконченный лист чертежа,
Да, меня вспоминая,
склонялась над мальчиком спящим,
И отцом бы, и матерью
сразу для сына служа.
Но я знаю тебя,—
ты и рукопись бережно спрячешь,
От людей посторонних
прикроешь ревниво чертеж,
И, письма дожидаясь,
украдкой над сыном поплачешь,
Раз по десять, босая,
ты за ночь к нему подойдешь.
В непрерывных походах
нам легче шагать под метелью,
Коль на горных вершинах
огни путевые видны,
А рюкзак для того
и висит у меня над постелью,
Чтобы сын в свое время
убрал бы его со стены.

<1941>

КУСОК РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Кусок земли, он весь пропитан кровью.
Почернел от дыма плотный мерзлый снег,
Даже и привыкший к многословью,
Здесь к молчанью привыкает человек.

Впереди лежат пологие высоты,
А внизу — упавший на колени лес.
Лбы нахмутив, вражеские дзоты
Встали, словно ночь, наперерез.

Смятый бруствер. Развороченное ложе.
Угол блиндажа. Снаряды всех смели.
Здесь плясала смерть, но нам всего дороже
Окровавленный кусок чужой земли.

Шаг за шагом ровно три недели
Мы вползали вверх, не знавшие преград.
Даже мертвые покинуть не хотели
Этот молнией опаленный ад.

Пусть любой ценой, но только бы добраться,
Хоть буравя снег, но только б доползти,
Чтоб в молчаньи страшно и жестоко драться,
Все, как есть, сметая на своем пути.

Под огнем навесным задержалась рота,
Но товарищ вырвался вперед...
Грудью пал на амбразуру дота —
Сразу кровью захлебнулся пулемет!

Мы забыли все... Мы бились беспощадно...
Мы на лезвиях штыков наш гнев несли,
Не жалея жизни, чтобы взять обратно
Развороченный кусок родной земли.

1941—1942

РОДНОЕ

В траве по колено леса
И стежки, родные для взора,
И чистые, словно слеза,
За желтым обрывом озера.

И кажется, дремлют они
В суровые, трудные дни
С вечерней зари до рассвета...
По-новому смотришь на это.

И юности вечной родник,
Тропа босоногого детства!
Посмотришь — сливаются в миг
Удары винтовки и сердца.

1941—1942

ВОЙНА

Ты не знаешь, мой сын, что такое война!
Это вовсе не дымное поле сраженья,
Это даже не смерть и отвага. Она
В каждой капле находит свое выраженье.
Это — изо дня в день лишь блиндажный песок
Да слепящие вспышки ночного обстрела;
Это — боль головная, что ломит висок;
Это — юность моя, что в окопах истлела;
Это — грязных, разбитых дорог колен;
Бесприютные звезды окопных ночевок;
Это — кровью омытые письма мои,

Что написаны криво на ложе винтовок;
Это — в жизни короткой последний рассвет
Над изрытой землей. И лишь как завершенье —
Под разрывы снарядов, при вспышке гранат —
Беззаветная гибель на поле сраженья.

1942

ПАМЯТЬ

Когда и в жилах стынет кровь,
Я грелся памятью одной.
Твоя незримая любовь
Всегда была со мной.

В сырой тоске окопных дней,
В палящем, огненном аду
Я клялся памятью моей,
Что я назад приду.

Хотя б на сломанных ногах,
На четвереньках приползу.
Я в окровавленных руках
Свою любовь несу.

Как бьется сердце горячо,
Летя стремительно на бой!
Я чувствую твое плечо,
Как будто ты со мной.

Пусть сомневается другой,
А я скажу в последний час,
Что в мире силы нет такой,
Чтоб разлучила нас!

1942

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Лишь губами одними,
бессвязно, все снова и снова
Я хотел бы твердить,
как ты мне дорога...
Но по правому флангу,
по славным бойцам Кузнецова,

Ураганный огонь
открывают орудья врага.
Но враги просчитались:
не наши —
фашистские кости
Под косыми дождями
сгниют на ветру без следа,
И леса зашумят
на обугленном черном погосте,
И на пепле развалин
поднимутся в рост города.
Мы четвертые сутки в бою,
нам грозит окруженье:
Танки в тыл просочились,
и фланг у реки оголен...
Но тебе я признаюсь,
что принято мною решение,
И назад не попятится
вверенный мне батальон!
...Ты прости, что письмо,
торопясь, отрываясь, небрежно
Я пишу, как мальчишка — дневник
и как штурман — журнал...
Вот опять начинается...
Слышишь, во мраке крошечном
С третьей скоростью мчится
огнем начиненный металл?
Но со связкой гранат,
с подожженной бутылкой бензина
Из окопов бойцы
выползают навстречу ему.
Это смерть пробегает
по корпусу пламенем синим,
Как чудовища, рушатся
танки в огне и дыму.
Пятый раз в этот день
начинают они наступление,
Пятый раз в этот день
поднимаю бойцов я в штыки,
Пятый раз в этот день
лишь порывом одним вдохновения
Мы бросаем врага
на исходный рубеж у реки!

В беспрестанных сраженьях
ребята мои повзрослели,
Стали строже и суше
скуластые лица бойцов...
...Вот сейчас предо мной
на помятой кровавой шинели
Непривычно спокойный
лежит лейтенант Кузнецов.
Он останется в памяти
юным, веселым, бесстрашным,
Что любил по старинке
врага принимать на картечь.
Нам сейчас не до слез —
над товарищем нашим
Начинают орудья
надгробную гневную речь.
Но вот смолкло одно,
и второе уже замолчало,
С тылом прервана связь,
а снаряды приходят к концу.
Но мы зря не погибнем!
Сполна мы сочтемся сначала.
Мы откроем дорогу
гранате, штыку и свинцу!..
Что за огненный шквал!
Все сметает...
Я ранен вторично...
Сколько времени прожито:
сутки, минута ли, час?
Но и левой рукой
я умею стрелять на отлично...
Но по-прежнему зорок
мой кровью залившийся глаз...
Снова лезут! Как черти,
но им не пройти, не пробиться.
Это вместе с живыми
стучатся убитых сердца,
Это значит, что детям
вовек не придется стыдиться,
Не придется вовек им
украдкой краснеть за отца!..
Я теряю сознание...
Прощай! Все кончается просто...

Но ты слышишь, родная,
как дрогнула разом гора!
Это голос орудий
и танков железная поступь,
Это наша победа
кричит громовое «ура».

1942

Юрий ИНГЕ
(1905—1941)

* * *

Придет пора: заплесневает порох,
Потухнет злоба, мир изменит вид,
И все, что нынче побеждало в спорах,
Лишь в сказках превосходство сохранит.

Наступит день, и, может быть, мой правнук
Закончит дело, начатое мной,
И наших дней торжественную правду
Он назовет последнею войной.

Не зная, как на поле битвы горек
Вкус бьющей горлом крови и слюны,
Он подойдет бесстрашно, как историк,
К неповторимым ужасам войны.

Все это взяв как массу перегноя,
На коем мир спокойствие воздвиг,
Он все сегодня конченное мною
Использует как первый черновик.

Наступит день — и труд мой, как основа
Или чертеж, понадобится дням,
Я мысль свою, заверстанную в слово,
Как эстафету в беге передам.

И потому мы побеждаем в спорах,
Что вместе с песней в будущем стоим.
Придет пора...

Но нынче нужен порох,
Сегодня он вдвойне необходим.

1933

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сыну Сергею

Вся столица спит давно,
Ночь пути завьюжила,
И морозное окно
В серебристых кружевах.

Спи спокойно, мой сынок,
Шороха не слушая,
Спит давно без задних ног
Медвежонок плюшевый.

Я спою тебе, дружок,
Песнь тебе доверю я,
Как среди больших дорог
Мчалась кавалерия.

Ты не бойся... Я с тобой...
Ночи были жуткими,
Стычка утром, в полночь бой,
Мы не спали сутками.

И теперь, в ночную тишь,
Как же мне не вспомнить их,
Если ты спокойно спишь
В нашей мирной комнате.

Не подпустим мы врага
И на выстрел пушечный,
Ну, так спи, сынок, пока
С саблей игрушечной.

А ударит гром опять,
Вспомнишь ты, как пели мы,
Да и сам не будешь спать
Целыми неделями.

Вьюга легкая, кружись,
Вьюга-перелетчица.
За окном такая жизнь,
Что и спать не хочется.

За окном такая тишь...
Спи, меня не слушая,
Моя гордость, мой малыш,
Медвежонок плюшевый!

1936

СКАЗАНИЕ О ВЕРЕСКЕ

Лучшего коня под ним убили
В это утро горькое и злое.
Ярость битвы встала кучей пыли
Над холодной черстою землю.
Каменные ядра на поляну
Сыпались, как спелые орехи,
И от крови, вытекшей из раны,
У бойца заржавели доспехи.
Враг ворвался в дом к его невесте,
Надругался над своей добычей,
И боец не смог убить на месте
Хищника, как требует обычай.
Стал он ветра зимнего суровой,
Зубы сжал, чернея от бессилья,
Поднял руки, смоченные кровью,
Как орел пораненные крылья.
Промолчал, охваченный печалью,—
Воин этот никогда не плакал,
Уж скорей бы камни зарыдали
Иль запел бы бронзовый оракул.
Но когда пронзили сердце брата
Восемь стрел с багровым опереньем,
Он заплакал от такой утраты
И упал на стойбище оленьем.
Ни ветра, ни северные грозы
Не касались этих мест поныне,
Лишь печали мужественной слезы
Тронули бесплодную пустыню.
Разлилось по высохшему краю
Скорби разгоревшееся пламя,
И проснулась почва, прорастая
Жесткими лиловыми цветами.
И сказал боец дружине: «Верю,
Что цветет пустыня в знак расплаты!..»
И шуршал на поле битвы вереск,

Отливая кровью в час заката,
Враг метался, вытоптал посевы,
Подымал дикорастущий вереск
Грозный стяг возмездия и гнева.
Так, цветами гóря пламенея,
Поле брани стало полем чести,
Потому что в мире нет страшнее
Слез бойца, взывающих о мести.

1940

МОРСКИЕ ОХОТНИКИ

И ночью и днем, непрестанно
По синему морю скользя,
В дозорах морская охрана,
Ее не бояться — нельзя.

Как быстрая гончая стая,
Идут на врага катера,
Повсюду его настигая,
Как бурь беспощадных ветра.

В движеньи уверенно скором
Бегут за кормой берега,
И залпы звучат приговором
Подводной эскадре врага.

Ведет боевая отвага.
Товарищи! Полный вперед!
И вьется полотнище флага,
Волна за винтами встает.

И четким звучит приказаньем,
Подводную лодку накрыв,
Глубинного бомбометанья
Единый и грозный порыв.

Отбой... Нападенье отбито,
Над морем опять тишина.
Урок получили бандиты,
За все получили сполна.

И вновь за врагами охотясь,
Дозором идут боевым.
Так зорче смотри, краснофлотец,
За морем Балтийским своим.

1941

* * *

В картине были воздух и пространство,
А в легких клокотала пустота.
Он отдал все — любовь и постоянство —
Куску одушевленного холста.

Другой шел в бой, не кланяясь шрапнели,
Брал города, одетые в бетон,
И гордые полотнища знамен,
Пред ним склоняясь, покорно шелестели.

Они погибли оба на рассвете:
Один в своей постели, а другой
На поле битвы умер как герой.

И к их могилам подходили дети,
И бились одинаково сердца
Над прахом живописца и бойца.

1941

Давид КАНЕВСКИЙ
(1916—1944)

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ
СОРОК ТРЕТИЙ

Подымите заздравные чаши, друзья!
Он родился уже, он идет,—
За него и непьющим не выпить нельзя —
Сорок третий сверкающий год!

И какую судьбу этот год мне сулит,
Я не знаю, но верит народ:
Будет год молодой на века знаменит,
Коль выходит со словом «Вперед!»

Это слово незыблемо, как закон,—
Поднялися и Волга, и Дон.
На знаменах бессмертной славой горят
Севастополь, Москва, Сталинград.

Подымите заздравные чаши, друзья!
Чтоб вела нас к победе стезя.
Чтобы стяг заалел далеко-далеко,
Чтобы стало на сердце легко.

За победу, друзья! Не простое число
Отрывается с календаря —
Это с нашей земли выжигается зло
Раскаленным штыком января.

Это белый рассвет, а не белый листок.
Это Родина гонит врага.
Это близкого счастья заветный росток
Пробивается сквозь снега.

1943

ФЕВРАЛЬ

Снега, снега... В полях бушует вьюга —
Еще сильны законы февраля.
Но погляди: воспрянула земля
От Севера до солнечного Юга.
Огня и льда преодолев преграды,
Немецкой черной злобе вопреки,
Идут вперед железные полки,
Плывут к Днепру знамена Сталинграда,
1943

Павел КОГАН
(1918—1942)

МОНОЛОГ

Мы кончены. Мы отступили.
Пересчитаем раны и трофеи.
Мы пили водку, пили «ерофеич»,
Но настоящего вина не пили.
Авантюристы, мы искали подвиг,
Мечтатели, мы бредили боями,
А век велел — на выгребные ямы!
А век командовал: «В шеренгу по два!»
Мы отступили. И тогда кривая
Нас понесла наверх. И мы как надо
Приняли бой, лица не закрывая,
Лицом к лицу и не прося пощады.
Мы отступали медленно, но честно.
Мы били в лоб. Мы не стреляли сбоку.
Но камень бил, но резала осока,
Но злобою на нас несло из окон,
И горечью нас обжигала песня.
Мы кончены. Мы понимаем сами,
Потомки викингов, преемники пиратов:
Честнейшие — мы были подлецами,
Смелейшие — мы были ренегаты.
Я понимаю все. И я не спорю.
Высокий век идет высоким трактом.
Я говорю: «Да здравствует история!» —
И головою падаю под трактор.

5—6 мая 1936

ГРОЗА

Косым,
 стремительным углом
И ветром, режущим глаза,
Переломившейся ветлой
На землю падала гроза.

И, громом возвестив весну,
Она звенела по траве,
С размаху вышибая дверь
В стремительность и крутизну.
И вниз. К обрыву. Под уклон.
К воде. К беседке из надежд,
Где столько вымокло одежд,
Надежд и песен утекло.
Далеко,

 может быть, в края,
Где девушка живет моя.
Но, сосен мирные ряды
Высокой силой раскачав,
Вдруг задохнулась

 и в кусты
Упала выводком галчат.
И люди вышли из квартир,
Устало высохла трава.
И снова тишь.

И снова мир,
Как равнодушье, как овал.
Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!

1936

ДЕВУШКЕ

Мальчишкой я дарил на память рогатки,
Как мужество, мужскую честь и верность.
И друзья мои колотили окна,
И мне приходилось за них краснеть.
Но сердце,

 свое гордое сердце
Уличного забияки и атамана,
Я носил нетронутым и чистым,
Как флаг романтическая бригантина!
Но прошли года,
И из моего сердца
Пытаются сделать милую пудреницу.
А мужество
У меня забирают,
Как милиционер рогатку.

1936

Мы сами не заметили, как сразу
Сукном армейским начинался год,
Как на лету обугливалась фраза
И черствая романтика работ.
Когда кончается твое искусство,
Романтики падучая звезда,
По всем канонам письменно и устно
Тебе тоскою принято воздать.
Еще и строчки пахнут сукровицей,
Еще и вдохновляться нам дано,
Еще ночами нам, как прежде, снится
До осязанья явное Оно.
О, пафос дней, не ведавших причалов,
Когда, еще не выдумав судьбы,
Мы сами, не распутавшись в началах,
Вершили скоротечные суды!

1937

ЗВЕЗДА

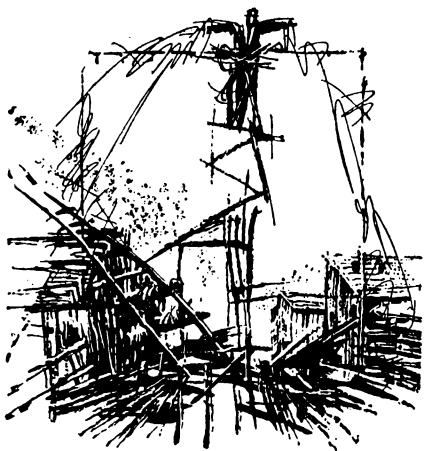
Светлая моя звезда.
Боль моя старинная.
Гарь приносят поезда
Дальнюю, полынную.
От чужих твоих степей,
Где теперь начало
Всех начал моих и дней
И тоски причалы.
Сколько писем нес сентябрь,
Сколько ярких писем...
Ладно — раньше, но хотя б
Сейчас поторопиться.
В поле темень, в поле жуть —
Осень над Россией.
Поднимаюсь. Подхожу
К окнам темно-синим.
Темень. Глухо. Темень. Тишь.
Старая тревога.
Научи меня нести
Мужество в дороге.

Научи меня всегда
Цель видать сквозь дали.
Утоли, моя звезда,
Все мои печали.
Темень. Глухо.
Поезда
Гарь несут полынную.
Родина моя. Звезда.
Боль моя старинная.

1937

ПОЭТУ

Эта ночь раскидала огни,
Неожиданная, как беда.
Так ли падает птица вниз,
Крылья острые раскидав?
Эта полночь сведет с ума,
Перепутает дни — и прочь.
Из Норвегии шел туман.
Злая ночь. Балтийская ночь.
Ты лежал на сыром песке,
Как надежду обняв песок.
То ль рубин горит на виске,
То ль рябиной зацвел висок.
Ах, на сколько тревожных лет
Горечь эту я сберегу!
Злою ночью лежал поэт
На пустом, как тоска, берегу.
Ночью встанешь. И вновь и вновь
Запеваешь песенку ту же:
Ах ты ночь, ты моя любовь,
Что ты злою бедою кружишь?
Есть на свете город Каир,
Он ночами мне часто снится,
Как стихи прямые твои,
Как косые ее ресницы.
Но, хрипя, отвечает тень:
«Прекрати. Перестань. Не надо.
В мире ночь. В мире будет день.
И весна за снега награда.
Мир огромен. Снега косы,
Людам — слово, а травам — шелест.

Сын ты этой земли иль не сын?
Сын ты этой земле иль пришелец?
Выходи. Колобродь. Атамань.
Травы дрогнут. Дороги заждались вождя...

...Но ты слишком долго вдыхал болотный
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме туман,
дождя».

1937

БРИГАНТИНА (Песня)

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем [синем] море
Бригантина поднимает паруса...

Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас...
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.

Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошей уют.
Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.

Так прощаемся мы с серебристою,
Самою заветною мечтой,
Флибустьеры и авантюристы
По крови, упругой и густой.

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза.
В флибустьерском дальнем [синем] море
Бригантина поднимает паруса.

Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.
И, звеня бокалами, мы тоже
Запеваем песенку свою.

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем [синем] море
Бригантина подымает паруса...

1937

* * *

Люди не замечают, когда кончается детство,
Им грустно, когда кончается юность,
Тоскливо, когда наступает старость,
И жутко, когда ожидают смерть.
Мне было жутко, когда кончилось детство,
Мне тоскливо, что кончается юность,
Неужели я грустью встречу старость
И не замечу смерть?

1937

* * *

Девушка взяла в ладони море,
Море испарилось на руках.
Только соль осталась, но на север
Медленные плыли облака.
А когда весенний дождь упал
На сады, на крыши, на посевы,
Капли те бродячие впитал
Белый тополиный корень.
Потому, наверно, ночью длинной
Снится город девушке моей,
Потому от веток тополиных
Пахнет черноморской тишиной.

1938

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова —
Сажень косая, твердый шаг —
И верную найдут основу,

ПИСЬМО

Жоре Лепскому

Вот и мы дожили,
Вот и мы получаем весточки
В изжеванных конвертах с треугольными
штемпелями,

Где сквозь запах армейской кожи,
Сквозь бестолочь
Слышно самое то,
То самое,—
Как гудок за полями.
Вот и ты —

товарищ красноармеец музввода,
Воду пьешь по утрам из заболоченных речек.
А поля между нами,
А леса между нами и воды.
Человек ты мой,
Человек ты мой,
Дорогой ты мой человек!
А поля между нами,
А леса между нами.

(Россия!

Разметалась, раскинулась
По лежбищам, по урочищам.
Что мне звать тебя?
Разве голосом ее осилишь,
Если в ней, словно в памяти, словно в юности:
Попадешь — не воротисься.)
А зима между нами.

(Зима ты моя,
Словно матовая,
Словно рósшитая,
На большак, большая, хрома ты,
На проселочную горбата,
А снега по тебе, громада,
Сине-синие, запорошенные.)
Я и писем писать тебе не научен.

А твои читаю,
Особенно те, что для женщины.
Есть такое в них самое,
Что ни выдумать, ни намучить,
Словно что-то поверено,

Потом потеряно,
Потом обещано.

(...А вы все трагической героиней,
А снитесь — девочкой-неспокойкой.
А трубач — таритари-та — трубит:

«По койкам!»

А ветра сухие на Западной Украине.)
Я вот тоже любил одну, сероглазницу,
Слишком взрослою, может быть, слишком строгую.
А уеду и вспомню такой проказницей,
Непутевой такой, такой недотрогою.
Мы пройдем через это.
Как окурки, мы затопчем это,
Мы, лобастые мальчики невиданной революции.
В десять лет мечтатели,
В четырнадцать — поэты и урки,
В двадцать пять — внесенные в смертные реляции.
Мое поколение —

это зубы сожми и работай,

Мое поколение —

это пули прими и рухни.

Если соли не хватит —

хлеб намочи потом,

Если марли не хватит —

портянкой замотай тухлой.

Ты же сам понимаешь, я не умею бить в литавры,
Мы же вместе мечтали, что пыль, что ковыль,
что криница.

Мы с тобою вместе мечтали пошляться по Таврии
(Ну, по Крыму по-русски),

А шляемся по заграницам.

И когда мне скамандует пуля «не торопиться»

И последний выдох на снегу воронку выжжет

(Ты должен выжить, я хочу, чтобы ты выжил),

Ты прости мне тогда, что я не писал тебе писем.

А за нами женщины наши,

И годы наши босые,

И стихи наши,

И юность,

И январские рассветы.

А леса за нами,

А поля за нами —

Россия!

И наверно, земшарная Республика Советов!

Вот и не вышло письма,
Не вышло письма,
Какое там!
Но я напишу,
Повинен.
Ведь я понимаю,
Трубач — тáри-тáри-тá — трубит:
«По койкам!»
И ветра сухие на Западной Украине.
Декабрь 1940

* * *

Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь.
.....
И, задохнувшись «Интернационалом»,
Упасть лицом на высохшие травы.
И уж не встать, и не попасть в анналы,
И даже близким славы не сыскать.
Апрель 1941 .

Арон КОПШТЕЙН *
(1915—1940)

ОККУПАЦИЯ

Мне снилось детство — мой печальный дом,
Колочий куст, заглохший водоем.
Мне снилась родина.
И тиф сыпной
Шел по Волохинской и Насыпной.

Мне долго снилась горькая вода.
Солдаты пели:
«Горе — не беда».
И шли по улице.
И версты шли.
Тяжелые. Покорные. В пыли.

Я помню эту улицу.
По ней
Вели усталых, выцветших коней.
Мне снились заморозки на заре
И полночь, душная, как лазарет.

Еще я видел желтые листья.
И ты мне снилась. Ты мне снилась. Ты.
Всю ночь чадили свечи, и всю ночь
Тебе хотел я чем-нибудь помочь.
Но ты спала, подушку обхватив,
И жег тебя горячкой черный тиф.
Как я забуду этот бред и зной,
Немецких офицеров за стеной.
Был вечер. Ночь. И умирала мать.
Зачем я должен детство вспоминать?

* А. Копштейн и Н. Отрада стали одними из первых жертв приближавшейся войны, которая уже пристреливалась к этому поколению; они погибли во время финской кампании.

ПОЭТЫ

Я не любил до армии гармони,
Ее пивной простуженный регистр,
Как будто давят грубые ладони
Махорочные блески желтых искр.
Теперь мы перемальываем душу,
Мечтаем о театре и кино,
Поем в строю вполголоса «Катюшу»
(На фронте громко петь воспрещено).
Да, каждый стал расчетливым и горьким:
Встречаемся мы редко, второпях,
И спорим о портянках и махорке,
Как прежде о лирических стихах.
Но дружбы, может быть, другой не надо,
Чем эта, возникавшая в пургу,
Когда усталый Николай Отрада
Читал мне Пастернака на бегу.
Дорога шла в навалах диабаза,
И в маскхалатах мы сливались с ней,
И путанно-восторженные фразы
Восторженней звучали и ясней!
Дорога шла почти как поединок,
И в схватке белых сумерек и тьмы
Мы проходили тысячи тропинок,
Но мирозданья не топтали мы.
Что ранее мы видели в природе?
Степное счастье оренбургских нив,
Днепровское похмелье плодородья
И волжский нелукавящий разлив.
Ни ливнем, ни метелью, ни пожаром
(Такой ее мы увидали тут) —
Она была для нас Тверским бульваром,
Зеленою дорогой в институт.
Но в январе сорокового года
Пошли мы, добровольцы, на войну,
В суровую финляндскую природу,
В чужую, незнакомую страну.
Нет, и сейчас я не люблю гармони
Визгливую, надорванную грусть.
Я тем горжусь, что в лыжном эскадроне
Я Пушкина читаю наизусть,
Что я изведал напряженье страсти,
И если я, быть может, до сих пор

Любил стихи, как дети любят сласти,—
Люблю их, как водитель свой мотор.
Он барахлит, с ним не находишь сладу,
Измучаешься, выбьешься из сил,
Он три часа не слушается кряду —
И вдруг забормотал, заговорил,
И ровное его сердцебиенье,
Уверенный, неторопливый шум,
Напомнит мне мое стихотворенье,
Которое еще я напишу.
И если я домой вернуся целым,
Когда переживу двадцатый бой,
Я хорошенько выплюсь первым делом,
Потом опять пойду на фронт любой.
Я стану злым, расчетливым и зорким,
Как на посту (по-штатски — «на часах»),
И, как о хлебе, соли и махорке,
Мы снова будем спорить о стихах.
Бьют батареи. Вспыхнули зарницы.
А над землянкой медленный дымок.
«И вечный бой. Покой нам только снится...»
Так Блок сказал. Так я сказать бы мог.

1940

Мы с тобой простились на перроне,
 Я уехал в дальние края.
 У меня в «смертельном медальоне»
 Значится фамилия твоя.
 Если что-нибудь со мной случится,
 Если смерть в бою разлучит нас,
 Телеграмма полетит, как птица,
 Нет, быстрее во много тысяч раз.
 Но не верь ты этому известью,
 Не печалься, даром слез не трать.
 Мы с тобой не можем быть не вместе,
 Нам нельзя раздельно умирать.
 Если ты прочтешь, что пулеметчик
 Отступить заставил батальон —
 За столбцом скупых газетных строчек
 Ты пойми, почувствуй: это он.
 Ты узнаешь, что советский летчик
 Разбомбил враждебный эшелон —
 За столбцом скупых газетных строчек
 Ты пойми, почувствуй: это он.
 Пусть я буду вертким и летучим,
 Пусть в боях я буду невредим,
 Пусть всегда я буду самым лучшим, —
 Я хотел при жизни быть таким.
 Пусть же не проходит между нами
 Черный ветер северной реки,
 Что несетя мертвыми полями,
 Шевеля пустые позвонки.
 Будешь видеть, как на дне колодца,
 Образ мой все чаще и новей,
 Будешь верить: «Он еще вернется,
 Постучится у моих дверей».
 И, как будто не было разлуки,
 Я найду в твой опустевший дом.
 Ты узнаешь. Ты протянешь руки
 И поймешь, что врозь мы не умрем.

Георгий КОРЕШОВ
(1913—1943)

ПЕРВЫЙ РЕИС

Вспоминаю иногда
День веселого отхода.
Шумно пенилась вода
За кормою парохода.

Судно то летело вниз,
То взлетало вверх куда-то.
Ветер горсти звонких брызг
Зло швырял в иллюминатор.

Посинелый, мокрый весь,
Я смотрел на волны косо:
Это был мой первый рейс,
Первый день я был матросом.

Если новая волна
Судно выше поднимала,
То казалась мне она
Не волной — девятым валом.

И казалось мне, что я —
Волк морской, моряк хороший;
Что, беснуясь, океан
Бьет восторженно в ладоши.

ШТИЛЬ

Словно лист осенний, вянет
Парус судна: ветра нет.
В заштилевшем океане
Голубой встает рассвет.

На бочонке возле рубки
Дремлет вахтенный моряк;
Остывает пепел в трубке,
Туго втиснутой в кулак.

Шкипер вышел из каюты,
Хмуро глянул на восток,
Сплюнул, выругался круто
И поднес к губам свисток.

Это верная примета —
Свистом ветер вызывать.
Шкипер плавал вокруг света —
Как же этого не знать!

Скрывшись от беды за рубку,
Обжигая спичкой нос,
Раскурить пустую трубку
Хочет вахтенный матрос.

Он спросонья жадно тянет
Жар из трубки — дыма нет.
...В заштилевшем океане
Голубой встает рассвет.

ШКИПЕР

Был вечер холоден, угрюм.
Взбивал валы соленый ветер.
У нас был полон рыбой трюм,
И на борту лежали сети.

Пять Пальцев — пять гранитных скал,
Их обойти при ветре трудно.
И, может быть, девятый вал
О них распорет днище судна.

Замысловатый вьют узор
На лбу у шкипера морщины,
Не в первый раз ведет он спор
С морской взлохмаченной пучиной.

Но, зная, что не быть беде,
Сжимает шкипер крепче румпель,

И судно держит он на румбе
Назло и ветру и воде,

И только в сгорбленных плечах
Видны упорство и усталость.
...Я вижу каменный причал:
Опасность за спиной осталась!

Бьют в колокол на берегу,
И шкипер, как всегда, спокоен.
С причала дружеской рукою
Девчонка машет рыбаку.

ВЕСНА

Я утром вышел на веранду,
Все окна настежь растворив.
Входили грузные шаланды
С ночной добычею в залив.

За желтой отмелью Скрыплева
Гудел медлительный прибой.
Там, обгоняя краболовы,
Плыл в море смелый китобой.

На свежем бризе ванты пели,
И понял я, что так всегда
Бывает в марте и апреле:
На север движутся суда,

В тайге с богатством соболиным
Бредет охотник сетью троп,
И в Приханкайскую долину
Выходит первый рисороб.

Грохочет где-то гром весенний,
И, распластавшись на бегу,
Вдали пятнистые олени
Стрелой мчатся сквозь тайгу.

Вот замелькали на опушке
Их припотелье бока,
Как будто пестрые веснушки
Тебя осыпали, тайга!

Мы молодеем все весною,
Нежней становимся, мой друг,
И я тропинкою лесною
Бежать хочу куда-то вдруг.

Свой путь на карте не отмечу,
Приду к зеленому ручью
И там у ивы, верно, встречу,
Как в сказке, девушку ночью...

Борис КОСТРОВ
(1912—1945)

РАЗДУМЬЕ

Над мхом зарастающим тыном
Всю ночь — от зари до зари —
Багряные гроздья рябины
Качаются, как снегири...
И в озере плещутся рыбы.
А дальше — долина, и в ней —
Камней седоватые глыбы
Похожи на груды костей.
Здесь ветер размашистый жестче,
Кричит коршунье на заре.

...Опять — осыпаются рощи,
И шорох листвы на дворе.

Что делать мне в пору такую,
Податься к кому и куда,
Коль друг мой мою дорогую
Увел от меня навсегда?
Мы все, видно, в жизни неожиданно
Бываем отвергнуты вдруг...

...Опять — листопад и туманы,
И выпала книга из рук.

<1940>

В ПОЛНОЧЬ

Мы у окна,
А за окнами — белое
Поле, и в поле — метет метель.
Видишь,
 в сугробы звезда полетела
И одинокая вздрогнула ель.

Где-то умолк колокольчик,—
То кони
 сбились с дороги...
О, мне в этот час
Хочется взять твои щеки в ладони
И никогда
Не сводить с тебя глаз!
1940

У ПЛЕТНЯ

Ну что же, прощай,
И коня вороного
Ко мне подведи от плетня,
Я скоро вернусь,
И у камня седого
В долине ты встретишь меня.

Никто, моя радость,
Тебя не осудит —
Ни добрый, ни злой человек,
Обнимемся, что ли,
Как близкие люди,
И будем друзьями навек.

Я скоро вернусь,
Но зачем ты прикрыла
Глаза голубые? Рассвет...
Ведь ты же сама
И коня напоила,
И в гриву вплела горлицвет.

1941

У МОГИЛЫ БОЙЦОВ

Отдав салют,
Товарищей останки
Торжественно мы предали земле,
И по команде
Боевые танки
Пошли вперед к сверкающей заре.

И я подумал вслух:
Не на чужбине —
Под сенью звезд далеких и родных
Друзья лежат...
Когда-нибудь долине
Присвоят имя одного из них.

1941

Наизусть читаешь ты «Полтаву»,
Битвы вспоминаешь под Орлом.

Да меня украдкой даришь взглядом,
Дым табачный гонишь от лица...
Так всю ночь. И все за то, чтоб рядом
Быть со мною вечно. До конца.

1944

* * *

Солдатское солнышко — месяц,
Осенняя черная ночь...
Довольно. Подохнешь без песен,
Не нам воду в ступе толочь.

Любовь стала проще и строже,
А ненависть трижды сильней.
За тех, кто до этого дожил,
Как пили отцы наши,— пей!

Нелегок наш путь, неизведан,
Но кто, мне скажите, когда
Сказал, что приходит победа
В терновом венке без труда?

Нам жить — не тужить! Но без песен
Душа ни к чему не лежит.
Солдатское солнышко — месяц
Над нашей землянкой горит.

1945

Борис КОТОВ
(1909—1943)

ПОЛДЕНЬ

Прыгай с разбегу быстрее,
Чтоб под ногами, чернея,
Вдруг закипела вода!
Выжми короткие косы.
Ветлы с крутого откоса
Тоже стремятся сюда!
Зной, торопясь, убывает.
Грудью волну разбивая,
Пену вскружи за собой.
Смейся над солнцем, девчонка!
Смейся над сонным галчонком
И над моей худобой!
Ветер могучим напором
Чайку качает, которой
Чудится где-то беда.
Яростно, властно и грубо
В полураскрытые губы
Бьет ледяная вода.
Встань над волной голубою!
Видишь: кипящим прибором
Выбелен старый откос?
Снова бросайся навстречу,
Чтоб на упрямые плечи
Хлынула пена волос!

1938
Горловка

ДОЖДЬ

Ожидаю два часа
Твой спокойный легкий шаг.
Засыпает знойный сад
Под гудки далеких шахт.

Над цветами колеся,
Шмель взволнованно гудит.
Чудо-яблоки висят
Сверху, сбоку, впереди.
Зреет солнечный ранет,
И желтеющий анис,
Точно в нежный пух одет,
Над антоновкой повис.
Но, ломая тишь в саду,
Песня хлынула на дождь.
Улыбаясь на ходу,
Ты с подругами идешь.
А навстречу (сдунув зной
Взмахом черного крыла)
Туча грозною стеной
Из-за яблонь поднялась.
Развернувшись широко,
В жарких листьях задрожав,
Теплый дождик босиком
По деревьям пробежал.
Ты спешишь: «Я так ждала...»
И смеешься, подходя.
Укрывает нас шалаш
От веселого дождя.
И твоим подругам я
Благодарность приношу:
Ждут под брызгами, смеясь,
Не подходят к шалашу.

1938

Горловка

У САМОГО МОРЯ

Все с маху переборет
Волны широкий бег...
Чем так волнует море
И что таит в себе?
Я море брал в ладони,
Держал у самых глаз.
Шальную от погони
Ловил волну не раз.
Но робко и несмело,
Спокойная всегда,

В пригоршнях зеленела
Покорная вода.

...А там, взрывая дали,
Решимости полны,
Ворочались, взлетали
И рушились валы.
На миг не затихая,
На берег шли спеша,
Скрипели, задыхаясь,
На мокрых голышах,
Чтоб вновь с тревожным свистом
Стеной упрямой встать,
Идти на дерзкий приступ
Опять, опять, опять,
Без сна и без покоя
В ночах звенеть сильней.
Упорство мне б такое
Да песенке моей.

1940

* * *

В полночь холодно, в полдень жарко.
Ветер хочет всю пыль смести.
Остается рабочий Харьков
Вехой, пройденной на пути.

Войны слева и войны справа,
В центре — смертная карусель.
И задумчивая Полтава
Перед нами лежит, как цель.

Плач старухи и крик девчурки
На развалинах изб стоит,
Я завидую нынче Шурке,
Что в Донбассе ведет бои.

28 августа 1943

Василий КУБАНЕВ
(1912—1943)

* * *

Мой детский разум неразлучен
С тоской, рожденной им самим.
Сомнением тягостным томим,
Брожу средь жизненных излучин.
От вековых однообразий
Стремлюсь укрыться в мир иной —
Неощутимый, неземной,
В мир вдохновений, в мир фантазий,
Чтоб мир земной извне постигнуть
И, не покорствуя судьбе,
Как вечный памятник себе,
Святую истину воздвигнуть...
Тогда встает передо мной
Воздушный, чистый, невесомый
Ваш облик, взгляду незнакомый,
Но сердцу близкий и родной.
И в это жуткое мгновенье
В кровоточащем сердце вдруг
Родится радостный испуг
И угасает вдохновенье.
Как новы, как приятны мне
Земные краски, страсти, звуки!
Мир после длительной разлуки
Душе дороже стал вдвойне.

1936

В ДНИ РАЗЛУКИ

Исходи весь город
Поперек и вдоль —
Не умолкнет сердце,
Не утихнет боль.

В чьих-то узких окнах
Стынет звон и свет,
А со мною рядом
Больше друга нет.

Сколько недосказано
Самых нежных слов,
Сколько недосмотрено
Самых нужных снов!

Если б сил хватило,
Можно закричать:
На конверте белом
Черная печать.

И знакомый почерк
Поперек и вдоль.
Чем письмо короче,
Тем длиннее боль.

В дни разлуки дальней
Письменная вестъ —
Самое большое
Из всего, что есть.

1939

О МОЕМ ГЕРОЕ

Как мой герой себе прискучил!
И мне прискучил. Вечно шал,
Немножко зол, немножко ал
В бенгальском блеске фраз трескучих.
Как мой герой меня изводит!
Он — неживой, а я — живой.
Я жду его, зову его.
Когда ж явиться он изволит?
Как мой герой меня пленяет!
Он мой и вместе с тем не мой.
Между прохожими и мной
Он запросто себя вклинает.
Как мой герой со мною резок!
Я мысли сам поразолью
И на него вину свалю.
Он не обидчив, хоть и дерзок.
Как мой герой со всеми родствен,
Хоть тем, что не похож на всех,
И тем, что огорченный смех
Его сопровождает в росте.
Как мой герой везде влипает,
Во все влюбляется, всему
Дает советы, и ему
Звенит приветом вещь любая.
Как мой герой меня не любит,
Как будто сердцем не скупой,
Как будто он совсем живой,
И он меня совсем не любит.

1939

* * *

По полю прямому
В атаку идут войска,
Штыки холодеют,
Колотится кровь у виска.

Из дальнего леса,
Из темного леса — дымок.
Один покачнулся,
К земле прижался и лег.

— Товарищ, прости нас,
Чуток полежи, погоди,
Придут санитары,
Они там идут позади.

— Я знаю. Спасибо.
Ребята, вот эту шинель
Потом отошлите
В деревню на память жене.

А кончится битва —
Солдат не судите чужих.
Прошу, передайте:
Я с ними боролся за них.

1940

Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ
(1919—1943)

* * *

В. В.

Друг заветный! Нас не разлучили
Ни года, идущие на ошупь,
И ни расстояния-пучины
Рощ и рек, в которых снятся рощи.
Помнишь доску нашей черной парты —
Вся в рубцах, и надписях, и знаках,
Помнишь, как всегда мы ждали марта,
Как на перемене жадный запах
Мы в окно вдыхали. Крыши грелись,
Снег дымил, с землей смешавшись теплой,
Помнишь — наши мысли запотели
Пальцами чернильными на стеклах.
Помнишь — столб железный в шуме улиц,
Вечер... огоньки автомобилей...
Мы мечтали, как нам улыгнулись,
Только никогда мы не любили...
Мы — мечтали. Про глаза-озера.
Неповторные мальчишеские бредни.
Мы последние с тобою фантазеры
До тоски, до берега, до смерти.
Помнишь — парк. Деревья лили тени.
Разговоры за кремнями грецких.
Помнишь — картами спокойными. И деньги
Как смычок играли скрипкой сердца.
Мы студенты. Вот семь лет знакомы
Мы с тобою. Изменилось? Каплю.
Все равно сидим опять мы дома,
Город за окном огнится рябью.
Мы сидим. Для нас хладеет камень.
Вот оно, суровое наследство.
И тогда, почти что стариками,
Вспомним мы опять про наше детство.

Февраль 1939

МАЯКОВСКИЙ
(Последняя ночь
государства Российского)

Как смертникам жить им до утренних звезд,
И тонет подвал, словно клипер.
Из мраморных столиков сдвинут помост,
И всех угощает гибель.
Вертинский ломался, как арлекин,
В ноздри вобрав кокаина,
Офицеры, припудрясь, брали Б-Е-Р-Л-И-Н,
Подбирая по буквам вина.
Первое — пили борщи Бордо,
Багрового, как революция,
В бокалах бокастей, чем женщин бедро,
Виноградки щипая с блюда.
Потом шли: эль, и ром, и ликер —
Под маузером все есть в буфете.
Записывал переплативший сеньор
Цифры полков на манжете.
Офицеры знали — что продают.
Россию. И нет России.
Полки. И в полках на штыках разорвут.
Честь. (Вы не смейтесь, Мессия.)
Пустые до самого дна глаза
Знали, что ночи — остаток.
И каждую рюмку — об шпоры, как залп
В осколки имперских статуй.
Вошел

человек

огромный,

как Петр,

Петроградскую

ночь

стряхнувши,

Пелена дождя ворвалась с ним.

Пот

Отрезвил капитанские туши.
Вертинский кричал, как лунатик во сне:
«Мой дом — это звезды и ветер...
О черный, проклятый России снег —
Я самый последний на свете...»
Маяковский шагнул. Он мог быть убит.
Но так, как берут бронепоезд,

Воздвигнулся он на мраморе плит
Как памятник и как повесть.
Он так этой банде рявкнул: «Молчать!» —
Что слышно стало:

пуст

город.

И вдруг, словно эхо, в дале-е-еких ночах
Его поддержала «Аврора».

12 декабря 1939

ДОЖДЬ

Дождь. И вертикальными столбами
Дно земли таранила вода.
И казалось, сдвинутся над нами
Синие колонны навсегда.

Мы на дне глухого океана.
Даже если б не было дождя,
Проплывают птицы сквозь туманы,
Плавниками черными вода.

И земля лежит как Атлантида,
Скрытая морской травой лесов,
И внутри кургана скифский идол
Может испугать чутливых псов.

И мое дыханье белой чашей,
Пузырьками взвилось туда,
Где висит и видит землю нашу
Не открытая еще звезда.

Чтобы вынырнуть к поверхности, где мчится
К нам, на дно, забрасывая свет,
Заставляя сердце в ритм с ней биться,
Древняя флотилия планет.

1940

ДУЭЛЬ

Вороны каркали, и гаркали грачи,
Березы над весною, как врачи
В халатах узких. Пульс ручьев стучит.
Как у щенка чумного.
Закричи,

Февраль! И перекрестные лучи
Пронзят тебя. И мукам той ночи —
Над каждой строчкой бейся,— но учись.

.
Каждая строчка — это дуэль,—
Площадка отмерена точно.
И строчка на строчку — шинель на шинель,
И скресты двух шпаг — рифмы строчек.
И если верх — такая мысль,
За которую сжегся Коперник,
Ты не сможешь забыть, пусть в бреду приснишь,
Пусть пиши без бумаги и перьев.

Май 1940?

ДОСЛОВНАЯ РОДОСЛОВНАЯ

Как в строгой анкете —
Скажу не таясь —
Начинается самое
Такое:
Мое родословное древо другое —
Я темнейший грузинский
Князь.
Как в Коране —
Книге дворянских деревьев —
Предначертаны
Чешуйчатые имена,
И
Ветхие ветви,
И ветки древние
Упирались терниями
В меня.
Я немного скрывал это
Все года,
Что я актрисою-бабушкой — немец.
Но я не тогда,
А теперь и всегда
Считаю себя лишь по внуку:
Шарземец.
Исчерпать
Инвентарь грехов великих,
Как открытку перед атакой,
Спешу.

Давайте же
раскурим
эту книгу —
Я лучше новую напишу!
Потому что я верю,
и я без вериг:
Я отшибу по звену
и Ницше,
и фронду,
И пять
Материков моих
сжимаются
Кулаком Ротфронта.
И теперь я по праву люблю Россию.

ТВОРЧЕСТВО

Я видел, как рисуется пейзаж:
Сначала легкими, как дым, штрихами
Набрасывал и черкал карандаш
Траву лесов, горы огромный камень.
Потом в сквозные контуры штрихов
Мозаикой ложились пятна краски,
Так на клочках мальчишеских стихов
Бесилась завязь — не было завязки.
И вдруг картина вспыхнула до черта —
Она теперь гудела как набат.
А я страдал — о, как бы не испортил,
А я хотел — еще, еще набавь!
Я закурил и ждал конца. И вот
Все сделалось и скучно и привычно.
Картины не было — простой восход
Мой будний мир вдруг сделал необычным.
Картина подсыхала за окном.

* * *

Высокохудожественной
Строчкой не хромаете,
Вы отображаете
Удачно дач лесок.
А я — романтик.
Мой стих не зеркало —
Но телескоп.

К кругосветному небу
Нас мучит любовь:
Боев
За коммуны
Мы смолоду ищем.
За границей
В каждой нише
По нищему;
Там небо в крестах самолетов —
Кладбищем,
И земля вся в крестах
Пограничных столбов.
Я романтик —
Не рома,
Не мантий,
Не так.
Я романтик разнаипоследних атак!
Ведь недаром на карте,
Командармом оставленной,
На еще разноцветной карте
за Таллинном,
Пресс-папье покачивается, как танк.

* * *

Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?

Борис ЛАПИН
(1905—1941)

СТЕПЬ

Я в последний раз поглядел на степь.
Как туманна степь, широка!
Травяных лугов голубая цепь,
Под холмами лес и река!

Эта жизнь, как степь — твоя и моя,
Как свободна жизнь, широка!
Как печальна степь — на ее края
В черной мгле бегут облака.

1924

ПОЛЕ БОЯ

Мертвые зарыты;
Вспахана земля;
Травами покрыты
Жирные поля;
Кое-где лопатой
Вскопаны луга
Да торчит измятый
Кончик сапога.

1925

ПРЕДИСЛОВИЕ К БИОГРАФИИ

Было мне шестнадцать лет.
Поглядите на меня —
Я приехал в Самарканд
В розовом начале дня,
Я пришел в редакцию
«Азиатского огня»,

И редактор В. Степанов
Взял наборщиком меня.

Было это в ноябре,
В месяц пыли и ветров.
В небе плыли облака —
Яркой пышностью ковров.
Важно плыли облака.
Мой характер был суров.
Я готов был вечно жить.
Я был счастлив и здоров.

1925

* * *

Все скучной вечностью грозит,
Здесь скукой воздух заражен.
Пойдешь назад — нога скользит.
Вперед? — не лезть же на рожон.

Так успокой же естество.
Перед тобой стакан и сыр!

Нет, хуже нету ничего,
Чем жить с тобою, старый мир!

1925

* * *

Прощай! Я уйду из дома
В лесную глушь родной земли.
Я снова вышел в свист заката,
В туман и в грусть сырых полей.
О, как мне страшно, как мне странно
Босой ногой ступать в пыли,
В осколках солнца, без дороги,
Среди неведомых людей.

Здесь, дома, я оставил скромный,
Уютный мир домашних книг,
Себя, диван, любовь, и деньги,
И сослуживцев, и друзей —

Все то, чем я был жив и честен,
Чем я был весел и велик,
Упрям, уверен, неподкупен,
Заносчив, ясен и силен.
Меня твое хранило войско,
Семейный мир, веселый сон,
Гардины осеняли счастье,
Как пустота сырых знамен...

1925

ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЗАДУШЕВНАЯ

(На мотив

«Раскинулось море широко...»)

Погиб журналист в многодневном бою
От Буга в пути к Приднепровью,
Послал перед смертью в газету свою
Статью, обогренную кровью.

Редактор суровый статью прочитал
И вызвал сотрудницу Зину,
Подумал, за ухом пером почесал
И вымолвил мрачно: «В корзину».

Наутро уборщицы вымыли пол,
Чернильные пятна замыли,
А очерк его на растопку пошел,
И все журналиста забыли.

И только лишь старый седой метранпаж
Печально и тихо заметил:
«Я помню, остер был его карандаш,
И честно он смерть свою встретил».

А жизнь по дорогам проторенным шла,
Как будто ни в чем не бывало,
И новый товарищ поехал туда,
Где вьюга войны бушевала...

1941

Алексей ЛЕБЕДЕВ
(1912—1941)

* * *

Или помните, или забыли
Запах ветра, воды и сосны,
Столб лучами пронизанной пыли
На подталых дорогах весны?..
Или вспомнить уже невозможно,
Как виденья далекого сна,
За платформой железнодорожной
Только сосны, песок, тишина.
Небосвода хрустальная чаша,
Золотые от солнца края.
Это молодость чистая ваша,
Это нежность скупая моя.

* * *

Мне вновь заря приснилась голубая,
Песчаный берег, сосны, полумрак,
Луны дорога светлая, прямая,
Зажегшийся на берегу маяк.
И если б руки протянуть тогда мне,
Почувствовать я смог бы наяву,
Что жар полудня не покинул камни
И что роса спустилась на траву.
И мне понятно, почему надежде
Дано в ночной присниться тишине —
Я форменку свою надел, что прежде
Рукою легкой ты стирала мне.

Октябрь 1939

ОСЕННИЙ ЛЕД

Туманный день, на море тонкий лед,
Осенний лед — ему лучи безвредны,
Да и не блещет ими небосвод,
Чуть видимый в выси латунно-бледной.
Подует ветер северных широт,
Он пролетит над гладью синей бездны
И, стужу приносящий, он скует
Осенний лед своей рукой победной.
Был тот рубеж, когда мы стали суше,
И не на море, к нам повеял в души
Могучий ветер северных широт.
И ощущение странное знакомо,
Когда души безмерным водоемом
Овладевает властно твердый лед.

Декабрь 1939

* * *

В июне, в северном июне,
Когда излишни фонари,
Когда на островерхой дюне
Не угасает блеск зари,
Когда, теплу ночей доверясь,
Под кровом полутемноты
Уже раскрыл смолистый вереск
Свои лиловые цветы,
А лунный блеск опять манил
Уйти в моря на черной шхуне,—
Да, я любил тебя, любил
В июне, в северном июне.

ВЕЧЕР

На небе пламенном, ажурны и легки,
Чернеют кровли, башенка и птицы.
И брошены кровавые клинки
Лучей заката в улицы столицы.
Они летят во глубину реки,
Так ночь скрывает синие зарницы,
Еще не зажигались маяки
У небосклона меркнувшей границы.

И вот в огне струящемся заката
Все то, чем жил, чем жизнь была богата,
Встает предельно четко предо мной.
Нет, не сейчас дано судьбой могучей
Носить в груди песок страстей сыпучий
И камень сердца, вымытый волной.

1940

* * *

Метет поземка, расстилаясь низко,
Снег лижет камни тонким языком,
Но красная звезда над обелиском
Не тронута ни инеем, ни льдом.
И бронза, отчеканенная ясно,
Тяжелый щит, опертый на гранит,
О павших здесь, о мужестве прекрасном
Торжественно и кратко говорит.

1941

СОНЕТ

Когда владеет морем мертвый штиль,
Мы видим часто бухты и маяки,—
То лжет мираж, приподнимая знаки,
А берег наш за сорок с лишком миль.

Но видно все: седеющий ковыль,
Кроваво пламенеющие маки,
Прибрежной пены охряную накипь
И бота перевернутого киль.

Мечты мои, неуловимой тенью
Возникшие на грани сновиденья,
Коротким блеском прорезают тьму.

И в этот миг глазам открыты снова
Пути в морях тревожных и суровых.
Но берег есть. И я пробьюсь к нему!

1941

ТЕБЕ

Мы прощаемся в Кронштадте
У зыбких сходен, а потом
Рванется к рейду серый катер,
Раскалывая рябь винтом.

Под облаков косою тенью
Луна подернулась слегка,
И затерялась в отдаленье
Твоя простертая рука.

Опять шуметь над морем флагу,
И снова, и суров и скуп,
Балтийский ветер сушит влагу
Твоих похолодевших губ.

...И если пенные объятъя
Назад не пустят ни на час,
И ты в конверте за печатью
Получишь весточку о нас —

Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро умирать, —
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать.

Переживи внезапный холод,
Полгода замуж не спеши,
А я останусь вечно молод
Там, в тайниках твоей души.

А если сын родится вскоре,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога — море,
Моя могила и купель.

Август 1941

НА ДНЕ

Лежит матрос на дне песчаном,
Во тьме зелено-голубой.
Над разъяренным океаном
Отгромыхал короткий бой,

А здесь ни грома и ни гула...
Скользнув над илистым песком,
Коснулась сытая акула
Щеки матросской плавником...
Осколком легкие пробиты,
Но в синем мраке глубины
Глаза матросские открыты
И прямо вверх устремлены.
Как будто в мертвенном покое,
Тоской суровою томим,
Он помнит о коротком бое,
Жалея, что расстался с ним.

1941

АВГУСТ

Владимиру Лившицу

Планета вошла в полосу звездопадов.
Уже холодеют утра.
Летит паутина над мокнущим садом —
Холодная нить серебра.

И смешаны запахи яблок и дыма,
Желтеют уже тополя,
Лучом не палима и ливнем любима,
Лежит голубая земля.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Пройдет война.
Мы встретимся, быть может.
Как прежде, дым,
Синея, будет плыть,
Поговорим о том, что всех дороже:
О родине, о славе, о любви.
Как прежде, ночь
Приникнет к переплету,
А за бортом заплещется вода,
Поговорим о родине, о флоте,
О годах битвы, мужества, труда.
Но если даже глубина нас примет
И не настанет нашей встречи час,
Друзья-бойцы,
Вкушая отдых дымный,
Поговорят о славе и о нас.

Всеволод ЛОБОДА
(1915—1944)

* * *

Вы, не похожая на всех,
вошли в мой дом совсем одна,
по венам расплескали смех,
блеснули солнцем из окна.

Из волжских далей вышли вы,
храня дистанции устав,
во всем, везде, всегда правы...
А я всегда во всем неправ.

И были сны мои косны.
И снова с берега реки
скользят по мрамору весны
неврастеничные гудки.

Учел злопамятность ночей
не для отчаянных охот.
Зачем стихи мои?
Зачем
отчалил пароход?

Косноязычна жизнь стихов,
а гордость — только поза.
Я, самый дерзкий из тихонь,
опомнился, но поздно.

Косая боль сверлит виски,
и мысли льдами скованы,
и строчки эти
так узки,
что ставить их рискованно.

Но вы прочтете между строк
о том, как тихо таял день;
легла на стыке всех дорог
тоски и дружбы светотень.

Легла немая полоса
чередованья буден.
Конец...

Я не могу писать
о том, чего не будет.

1933

* * *

Дружбы, любви или прихоти ради,
профиль беря и анфас,
радужных слов добывая радий,
я измараю много тетрадей
стихами о Вас.

Почерк, прирученный штилем
и штампом,
судьбы неумелый фарс
я замурую в дальнюю дамбу
с глупой надеждой — понравиться
Вам бы
стихами о Вас.

Я улечу, как петух, с восходом
в солнечный край Прованс,
чтобы с той дамбы долгие годы
не слазить и красить пору ледоходов
стихами о Вас.

Если же искры, как зори, как росы,
блеснут у гипербол глаз,—
это не слезы:
острые осы
в лето влетают январским морозом,
стихами о Вас.

Город Казань далеко или близко,
память отметит не раз
июль и апрель с неоплаченным иском...
Я отомщу перебой переписки
стихами о Вас!..

1934

ДОРОГА

Солдатские дороги,
коричневая грязь.
С трудом волочишь ноги,
на климат разъярясь.
Лицо твое багрово —
холодные ветра
сговаривались снова
буянить до утра.
Набухла плащ-палатка,
лоснится под дождем.
На то ноябрь.

Порядка
от осени не ждем.
Боец, идешь куда ты
и думаешь о ком?
Шрапнельные снаряды
свистят над большаком.
А где же дом, в котором
просох бы да прилег?..
За голым косогором
не блещет огонек.
Тебе шагать далече —
холмов не перечтешь,
лафет сгибает плечи,
а все-таки идешь.

Ведут витые тропы,
лежат пути твои
в траншеи да в окопы,
в сраженья да в бои.
Шофер потушит фары
под вспышками ракет...

На западе
 пожарам
конца и края нет.
Кричит земля сырая:
— Спеши, боец, вперед,
оружием карая
того, кто села жжет!

От гнева — дрожь по коже,
соленый пот на лбу;
ногам легко,
 и ноши
не чуешь на горбу.
И греет жарче водки
нас воздух фронтовой.
И радостные сводки
рождает подвиг твой.

Солдатские дороги
придут издалека
к домашнему порогу
со славой на века.

1943

ПАВЛОВСКАЯ, 10

Не в силах радость вымерить и взвесить,
Как будто город вызволен уже,
Я в адрес:

«Киев, Павловская, десять» —

Строчу посланье в тесном блиндаже,
Письмо увидит ночи штормовые,
Когда к Подолу катятся грома,
Когда еще отряды штурмовые
Прочесывают скверы и дома...
По мостовым, шуршащим листопадом,
Придет освобожденье. Скоро. Верь...
Впервые за два года не прикладом,
Без окрика,

 негромко стукнут в дверь.

Мой хворый дед поднимется с кровати.
Войдет веселый первый почтальон.
От рядового с берега Ловати
Привет вручит заждавшемуся он.

Старик открывает окна.

В шумном мире
Осенний день, похожий на весну.
И солнце поселится в той квартире,
Где я родился в прошлую войну.

1944

ПОГИБ ТОВАРИЩ

Во вражьем стане цели он разведаль,
Мечтал о встрече с милой над письмом,
Читал статью про скорую победу,
И вдруг —

разрыв,

и он упал ничком.

Мы с друга окровавленного сняли
Осколком просверленный партбилет,
Бумажник,

серебристые медали,

А лейтенанту было

двадцать лет...

Берет перо,

согбен и озабочен,

Бумажный демон, писарь полковой.

О самом страшном пишет покороче

Привычною, недогнувшей рукой.

Беду в письмо выплескивая разом,

Он говорит:

«Ведь надо понимать,

Что никакой прочувствованной фразой

Нельзя утешить плачущую мать».

Она в слезах свое утопит горе,

Пскуда мы,

крещенные огнем,

Врага утопим в пенящемся море,

На виселицу Гитлера сведем.

И женщина инстинктом материнским

Отыщет сына дальные следы

В Курляндии,

под елью исполинской,

На скате безымянной высоты.

Виктор ЛУЗГИН
(?—1945)

* * *

Далекий сорок первый год.
Жара печет до исступленья.
Мы от границы на восход
Топтали версты отступленья.

Из деревень, в дыму, в пыли,
Шли матери, раскинув платы.
Чем мы утешить их могли,
Мы, отступавшие солдаты?

Поля, пожары, пыль дорог,
Короткий сон под гулким небом,
И в горле комом, как упрек,
Кусок черствеющего хлеба.

* * *

Коль выйдет так, что полем боя
Идти придется сквозь огни,
Давай условимся с тобою
На все последующие дни:

Во-первых, в трудный час разлуки
Не проливать ненужных слез
И не ломать, закинув, руки
Над русым ворохом волос,

И, во-вторых, чтоб трезво, грубо
О всех невзгодах мне писать,
В час одиночества чтоб губы
С тяжелым всхлипом не кусать.

Нет, лучше, губы сжав упрямо,
Превозмогая в сердце дрожь,
Пошли мне, право, телеграмму,
Что любишь, что с тоскою ждешь.

Пусть будет малость безрассудно;
Но там, за далью, за войной,
Я буду знать, как в жизни трудно
Быть неприкаянной, одной.

В землянке средь снегов ночуя,
Из боя вновь шагая в бой,
Я буду, устали не чуя,
Идти, чтобы встретиться с тобой.

КОМАНДИР ЭСКАДРИЛЬИ

Окно... Из марли занавеска,
Тесовый старый табурет.
Сидит за столиком комэска
И молча смотрит на портрет.

Собрав между бровей морщины,
Чуть-чуть прищутив левый глаз,
Видавший сто боев мужчина —
О чем он думает сейчас?

О чем мечтает, что он хочет,
Что он решит не торопясь?
А на него безусый летчик
Глядит с портрета, чуть смеясь.

Глядит курносый мокрогубик,
Глядит веселый, озорной...
В петлице только первый кубик,
И два полета за спиной.

ВСТУПЛЕНИЕ

Фронтная старая тетрадка
Кровью перемочена в бою,
Как упрямства русского разгадку,
Я тебя огласке предаю.

Воскреси задымленные даты,
Допиши сегодня до конца
Светлый облик русского солдата
До последней черточки лица.
Встанет он не витязем из сказки,
Побывавшим тыщу раз в боях.
С автоматом, в запыленной каске,
В кирзовых армейских сапогах.

Николай МАЙОРОВ
(1919—1942)

ВЗГЛЯД В ДРЕВНОСТЬ

Там — мрак и гул. Обломки мифа.
Но сказку ветер открылил:
Кровавыми руками скифа
Хватали зори край земли.

Скакали взмыленные кони,
Ордой сменялася орда.
И в этой бешеной погоне
Боялись отставать года...

И чудилось — в палящем зное
Коней и тел под солнцем медь
Не уставала над землею
В веках событиями греметь.

Менялось все: язык, эпоха,
Колчан, кольчуга и копье.
И степь травой-чертополохом
Позарастала до краев.

...Остались пухлые курганы,
В которых спят богатыри,
Да дней седые караваны
В холодных отблесках зари.

Ветра шуршат в высоких травах,
И низко клонится ковыль.
Когда про удаль Станислава
Ручей журчит степную быль —

Выходят витязи в шеломах,
Скликая воинов в набег.

И долго в княжеских хоромах
С дружиной празднует Олег.

А в полночь скифские курганы
Вздымают в темь седую грудь.
Им снится, будто караваны
К востоку держат долгий путь.

Им снятся смелые набеги,
Скитанья, смерть, победный рев,
Что где-то рядом печенеги
Справляют тризну у костров.

Там — мрак и гул. Обломки мифа.
Простор бескрайный, ковыли...
Глухой и мертвой хваткой скифа
Хватали зори край земли.

1937

В ВАГОНЕ

Пространство рвали тормоза.
И пока ночь была весома,
Все пассажиры были за
То, чтоб им спалось как дома.

Лишь мне не снилось, не спалось.
Шла ночь в бреду кровавых марев
Сквозь сон, сквозь вымысел и сквозь
Гнетущий привкус дымной гари.

Все было даром, без цены,
Все было так, как не хотелось,—
Не шел рассвет, не снились сны,
Не жглось, не думалось, не пелось.

А я привык жить в этом чреве:
Здесь все не так, здесь сон не в сон.
И вся-то жизнь моя — кочевье,
Насквозь прокуренный вагон.

Здесь теснота до пота сжата
Ребром изломанной стены,

Здесь люди, словно медвежата,
Вповалку спят и видят сны.

Их где-то ждут. Для них готовят
Чай, постели и тепло.
Смотрю в окно: ночь вздохи ловит
Сквозь запотевшее стекло.

Лишь мне осталось грустить.
И, перепутав адрес твой,
В конце пути придумать стих
Такой тревожный, бредовой...

Чтоб вы, ступая на перрон,
Познали делом, не словами,
Как пахнет женщиной вагон,
Когда та женщина не с вами.

1939

* * *

Тогда была весна. И рядом
С помойной ямой на дворе,
В простом строю равняясь на дом,
Мальчишки строились в каре
И били честно. Полагалось
Бить в спину, в грудь, еще — в бока,
Но на лицо не подымалась
Сухая детская рука.

А за рекою было поле.
Там, сбившись в кучу у траншей,
Солдаты били и кололи
Таких же, как они, людей.
И мы росли, не понимая,
Зачем туда сошлись полки:
Неужли взрослые играют,
Как мы, сходясь на кулаки?
Война прошла. Но нам осталась
Простая истина в удел,
Что у детей имелась жалость,
Которой взрослый не имел.

А ныне вновь война и порох
Вошли в большие города,
И стала нужной кровь, которой
Мы так боялись в те года.

1939

ЧТО ЗНАЧИТ ЛЮБИТЬ

Идти сквозь вьюгу напролом.
Ползти ползком. Бежать вслепую.
Идти и падать. Бить челом.
И все ж любить ее — такую!
Забыть про дом и сон,
Про то, что
Твоим обидам нет числа,
Что мимо утренняя почта
Чужое счастье пронесла.
Забыть последние потери,
Вокзальный свет,
Ее «прости»
И кое-как до старой двери,
Почти не помня, добрести,
Войти, как новых драм зачатье.
Нащупать стены, холод плит...
Швырнуть пальто на выключатель,
Забыв, где вешалка висит.
И свет включить. И сдвинуть полог
Крамольной тьмы. Потом опять
Достать конверты с дальних полок,
По строчке письма разбирать.
Искать слова, сверяя числа.
Не помнить снов. Хотя б крича,
Любой ценой дойти до смысла.
Понять и сызнова начать.
Не спать ночей, гнать тишину из комнат,
Сдвигать столы, последний взять редут,
И женщин тех, которые не помнят,
Обратно звать и знать, что не придут.
Не спать ночей, не досчитаться писем,
Не чтить посулов, доводов, похвал
И видеть те неснившиеся выси,
Которых прежде глаз не достигал,—
Найти вещей извечные основы.

Вдруг вспомнить жизнь.
В лицо узнать ее.
Прийти к тебе и, не сказав ни слова,
Уйти, забыть и возвратиться снова.
Моя любовь — могущество мое!

1939

ТВОРЧЕСТВО

Есть жажда творчества,
Уменье созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строений.
Не спать ночей, по суткам голодать,
Вставать до звезд и падать на колени.
Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой вровень
И воду пить из тех целебных рек,
К которым прикоснулся сам Бетховен.
Брать в руки гипс, склоняться на подрамник,
Весь мир вместить в дыхание одно,
Одним мазком весь этот лес и камни
Живыми положить на полотно.
Не дописав,
Оставить кисти сыну,
Так передать цвета своей земли,
Чтоб век спустя всё так же мяли глину
И лучшего придумать не смогли.

1939

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Неужто мы разучимся любить,
И в праздники, раскинувши диваны,
Начнем встречать гостей и церемонно пить
Холодные кавказские нарзаны.

Отяжелеем. Станет слух наш слаб.
Мычать мы будем вяло и по-бычьи.
И будем принимать за женщину мы шкаф
И обнимать его в бесполом безразличьи.

Цепляясь за разваленный уют,
Мы в пот впадем, в безудержное мленье.
Кастратами потомки назовут
Стареющее наше поколенье.

Без жалости нас время истребит.
Забудут нас. И до-обиды грубо
Над нами будет кем-то вбит
Кондовый крест из тела дуба.

За то, что мы росли и чахли
В архивах, в мгле библиотек,
Лекарством руки наши пахли
И были бледны кромки век.

За то, что нами был утрачен
Сан человеческий; что, скопцы,
Мы понимали мир иначе,
Чем завещали нам отцы.

Нам это долго не простится,
И не один минует век,
Пока опять не народится
Забывтый нами Человек.

1939?

✻ * *

Мне только б жить и видеть росчерк грубый
Твоих бровей, и пережить тот суд,
Когда глаза солгут твои, а губы
Чужое имя вслух произнесут.

Уйди, но так, чтоб я тебя не слышал,
Не видел, чтобы, близким не грубя,
Я дальше б жил и подымался выше,
Как будто вовсе не было тебя.

✻ * *

Я с поезда. Непроспанный, глухой.
В кашне, затянутом за пояс.
По голове погладь меня рукой,
Примись ругать. Обратю шли на поезд.

Грозись бедой, невыгодой, концом.
Где б ни была ты — в поезде, вагоне,—
Я все равно найду,
Уткнусь лицом
В твои, как небо, светлые
Ладони.

ж * *

Как жил, кого любил, кому руки не подал,
С кем дружбу вел и должен был кому —
Узнают всё, раскроют все комоды,
Разложат дни твои по одному.

Мы

Это время
трудновато для пера.
Маяковский

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете как миф
О людях, что ушли недолюбив,
Не докурив последней папиросы.

Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.
Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатога плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.

Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо стало чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.
Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.
И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

1940

* * *

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы,
Для которой песни я пою.
Ширь России, дали Украины,
Умирая, вспомню... И опять —
Женщину, которую у тына
Так и не посмел поцеловать.

1940

Нам не дано спокойно сгнить в могиле —
Лежать навтыжку и приоткрыв гробы,—
Мы слышим гром предутренней пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд.
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

Евгений НЕЖИНЦЕВ
(1904—1942)

МУДРОСТЬ

Восприняв мудрость чисел и таблиц,
Пройдя тройные рощи интегралов,
Мы вышли в жизнь,
Как в схватку корабли,
Обрывки пены бросив у причалов.
Нам стали тесны эти небеса
И ход планет казался тяжелее.
Нам другом был и Ом, и Гей-Люссак,
Декарт,
Паскаль
И Менделеев.
И мир был покорен и прост,
И формулам должны были поддаться
Спокойное мерцанье звезд
И душное цветение акаций.
Но в гроздьях формул потерялись мы,
Найдя не сразу наше назначенье.
Философы —
Лишь объясняли мир.
Мы —
Изменить должны его движенье.
<1935>

ВИНОГРАД

Немало мы с вами, друзья, положили
На эти кусты и терпенья и силы,
Чтоб грозы не били,
От зноя не слабли
Большие,
Тугие,
Янтарные капли.

Чтоб люди не знали ни горя, ни тягот,
Коснувшись губами пленительных ягод...
И вот урожай уже собран в корзины —
Выкатывай бочку и ставь посредине.
Налейте стаканы и пейте до дна,
Чтоб нашей работой гордилась страна.
Чтоб люди, одоблив наш труд и успех,
Сказали б:
«С такими и выпить не грех...»

1940

ОПЯТЬ НЕТ ПИСЕМ

Висят кувшины на заборе,
Рябина плещет на ветру,
И ягод огненное море
Ведет веселую игру.

На опустевшие балконы
Ложатся сумерки и тьма,
И ходят мимо почтальоны,
И нет по-прежнему письма.

Как будто ты забыла имя,
И номер дома, и число,
Как будто листьями сухими
Дорогу к сердцу занесло...

1940

ПЕРВАЯ СКРИПКА

Замолкла скрипка у окна,
И звуки растерялись странно,
И золотая тишина
Проплыла облаком неожиданным.

И только билась под смычком
Давно отыгранная песня.
И падал день, как я, ничком,
И сердцу становилось тесно.

Оставь смычок, оставь футляр
И эту скрипку вековую,—
Тебя восторженный пожар
Осенних листьев зацелует.

И с ним метаться и лететь
Под дудочку,
Под зов свирели
И падать в желтую метель
Веселой песней на панели.

1940

ВТОРАЯ СКРИПКА

Как скрипки первое дрожанье,
Как робкий взлет и стон смычка —
Уже коснулось увяданье
Рукой серебряной виска.

Осенний лист устало кружит,
Ты падай с ним и с ним лети.
Но мне ль под шелест желтых стружек
О прежней удали грустить?

Рябин пылающие бусы
Ворвались гроздьями в окно.
И перелив осенних музык
Пьянит, как старое вино.

И только жгучее желанье
Лелеет мысль
Одну,
Одну —

спокойно встретить увяданье
и чувствовать в себе весну.

1940

* * *

Вспыхнула испуганная рама
Блеском ослепительным стекла:
Молния, как будто телеграмма,
Тучами тяжелыми прошла.

А за ней раскатисто и низко
Шел вдогонку разъяренный гром,
Словно кто-то требовал расписку
И грозил поставить на своем.

Гром отгрохотал, и над домами
Снова и просторно и светло...
Только от тебя ни телеграммы,
Ни простой открытки не пришло...

1940

* * *

Пусть буду я убит в проклятый день войны,
Пусть первым замолчу в свинцовом разговоре,
Пусть... Лишь бы никогда не заглянуло горе
В твой дом, в твои глаза, в твои девичьи сны...

Пусть не осмелится жестокая рука
Черкнуть в письме, в скупой на чувства фразе,
Что ты в разорванном лежишь противогазе
И бьется локон твой у синего виска...

1941

Николай ОВСЯННИКОВ
(1918—1942)

* * *

Чуть заметной, заросшей тропой
Ты идешь, как тогда, как прежде.
Искрометной, студеной росой
Лес забрызгал твою одежду.

Ночь. Туманы. И снова день
Надвигается пасмурный, строгий.
Ты же ищешь всегда, везде
Не пройденной никем дороги.

Это — юность моя идет
По лугам, по лесам дремучим,
А над ней набухает, растет
Синеватая, грозная туча.

А над ней расколосся гром,
И, зарывшись в траве прогорклой,
Он под сумрачным смолкнул дождем,
Занавесившим речку за горкой.

Дождь кругом... Ничего не видать...
Ветер листья срывает беснуясь...
Так куда ж ты пойдешь, куда,
Беспокойная, дерзкая юность?

1937

* * *

Ни сказки нету, ни песни,
Никто не расскажет о том,
Как был ты расстрелян, ровесник,
При матери, под окном.

И жил ты и умер как надо.
А там, где упал ты, теперь
Лишь шорох заглохшего сада
Да глухо забитая дверь.

Пройти по дорогам земным
И мне бы и просто и строго,
И мне пусть приснятся в тревогах
Мальчишески-ясные сны.

И пусть упаду, не изведав,
Как ветер над миром прошел,
Как тяжело колышет победа
Знамен пламенеющий шелк.

И мне б, умирая, сквозь роздымь
Следить, как на запад прошли
Такие хорошие звезды,
Последние звезды мои.

А ветер все круче и круче
Встает над моею страной,
Веселые майские тучи
Прносятся стороной.

И мне бы сквозь горечь бурьяна
Услышать большую грозу,
Услышать, как в пыльные раны
Колючие травы ползут.

И жизнь, проходящая мимо,
И грудь просверливший свинец
Мне станут ясны нестерпимо —
И пусть это будет конец.

Апрель 1938

Не забыть мне этот вечер:
Ветер шарил по полям,
А в саду на тихом вече
Совещались тополя.

Я — романтик. Было жалко,
Что на спутанных ветвях
Не увижу я русалки
С гребнем в мокрых волосах.

Что не крикнет старый леший
Мне из темного дупла,
Что не спросит ворон вещей,
Пролетая: «Как дела?»

Вместо этой чертовщины
С ней я встретился тогда,
Где о сникшие вершины
Расколосась гладь пруда.

По пруду кувшинки плыли,
Звезды на небе зажглись,
Мы недолго говорили,
Улыбнувшись, разошлись.

В память вечера такого
Я хотел для счастья снять
Неизвестную подкову
Неизвестного коня.

* * *

А подкова затерялась
В мягких теплых небесах...
Только мне затосковалось,
Отчего, не знаю сам.

Может, я погибну скоро,
Но до смерти б я донес
Чутких листьев робкий шорох,
Перемигиванье звезд.

Может, я не смело встречу
Смерть. Но, сделавшись светлей,
Я припомню этот вечер —
Встречу с девушкой моей.

1938

Горькие и высохшие травы,
 Камни под копытами и мухи,
 Облепившие у раненого рот...
 Мы тогда рождались только,
 Изредка отцы к нам приходили,
 Ставили винтовки в угол
 И руками, от которых пахло
 Порохом, окопную землю,
 Осторожно подымали нас.
 За окном команда раздавалась,
 Ржали кони, тяжкою походкой
 Люди проходили умирать.
 Ветер над убитыми, да песни,
 Пыль на сапогах, да слава,
 Да тысячелетние дороги,
 По которым некуда идти...
 Так в тифу, в бреду и в детском плаче,
 В переполненных убитыми окопах
 И в зрачках безумных матерей,—
 Так она рождалась, наша правда,
 В боли, в судорогах — и этой правде
 Никогда, нигде не умирать!

Октябрь 1938

ЛАОКООН

Полуоткрытый рот и тело, как струна,
 Готовы плакать и кричать от боли,
 А ты молчишь, и гордость спасена.
 Но кто тебе молчать позволил?
 Пока ты здесь, пока ты небо видишь,
 Пока еще ты только человек,
 От боли, от стыда и от обиды
 Ты можешь плакать, грек.
 Потом возьмут продолговатый камень,
 И, на века оставленный резцом,
 Пустыми и холодными глазами
 Ты будешь нам смотреть в лицо.
 Пусть так же обойдется жизнь со мной,
 Чтоб помнить: боль была, и тучи плыли.
 А дальше — ночь. А дальше — все равно,
 Холодный мрамор иль щепотка пыли.

Май 1939

МАЙ 1941 — МАЙ 1942 ГОДА

В том мае мы еще смеялись,
Любили зелень и огни.
Ни голос скрипок, ни рояли
Нам не пророчили войны.

Мы не догадывались, споря
(Нам было тесно на земле),
Какие годы и просторы
Нам суждено преодолеть.

Париж поруганный и страшный.
Казалось, на краю земли
И Ново-Девичьего башни
Покой, как Софью, стерегли.

И лишь врасплох, поодиночке,
Тут бред захватывал стихи,
Ломая ритм, тревожа строчки
Своим дыханием сухим.

Теперь мы и строжей и старше,
Теперь в казарменной ночи
Не утренний подъем и марши —
Тревогу трубят трубачи.

Теперь, мой друг и собеседник,
Романтика и пот рубах —
Уже не вымысел и бредни,
А наша трудная судьба.

Она сведет нас в том предместье,
Где боя нет, где ночь тиха,
Где мы, как о далеком детстве,
Впервые вспомним о стихах.

Пусть наша юность не воскреснет,
Траншей и поля старожил!
Нам хорошо от горькой песни,
Что ты под Вязьмою сложил.

Николай ОТРАДА
(1918—1940)

МЕЧТА

Внизу беспокойный лежит океан.
Холодный,
 туманный
 и темный.

В суровые северные края
Трое летят спокойно!
«Трое отважных,
Простых людей
Летят туда днем и ночью...» —
Отец читает,
А сын скорей
Сам птицу увидеть хочет.
Но папа «спи» говорит ему,
Укрыл одеялом спину.
Сын погружается в тишину,
Мечтанья приходят к сыну.
А ночь каспийская.
И месяц здесь
В окне нарисован тонко.
Так сын засыпает,
И сном этим весь
Окутан русский мальчонка.
Снится
Невиданный звездолет,
А воздух прозрачный, чистый.
Он смотрит и видит:
Трава растет,
Земли отраженья ищет.
Летит, улыбаясь близкой луне,
Сквозь сон этот милый
И сладкий.

И думает:
«Может, придется мне
Мир облететь без посадки!»
1938

ВЕСНА

Она начиналась у самого моря,
У края соленой густой воды.
Она заводила с деревьями споры,
Когда заходила в мои сады.
И где проходила, журча и пенясь,—
Там травы тянулись на яркий свет.
И лист, пробегающий по ступеням,
Напоминал о густой листве,
О розовых днях и о первоцветах,
О ласке любимой, о песне простой,
Про старость, глядящую косо на это
И все-таки думающую о том.
По-своему верующую глубоко
В силу солнца и в силу людей.
Ей помнится птиц пролетавших клетот
И первый в их жизни весенний день.
И вечер...
Кочуют зеленые звезды!..
Мне надо всего лишь одну звезду,
Мне надо немного для легких воздуха,

Я снова на берег реки пойду
(Где снова —весна, что меня встречала,
А я не могу ее не встречать),
Чтоб песня любимая зазвучала,
Чтоб встала любимая у плеча.
И я подойду к ней, и я увижу
В глазах любимой — ее, весну,
Мне станет роднее,
Мне станет ближе
Все то, к чему я рукой прикоснусь.
И к небу потянутся гибкие ветки,
По облакам недоступным грустя,
Мы жажду весеннего роста заметим,
Что видеть нелюбящие не хотят.
Но я пройти не посмею мимо,—
Как можно весне нам теперь изменять!
Я рад, что дыханье моей любимой
Точно такое же, как у меня.
Я рад мотыльку, что над нами кружится,
Движенью листа, что слегка дрожит...
Нам кажется морем широкая лужица,
Нам кажется песней весеннею — жизнь.
Пора!
Мы уходим домой, качаясь,
И нас не клонит ничто ко сну.
И только сомненье берет вначале:
Кто полночью этой кого встречает —
Весна нас иль мы весну?!

1938

ПОПУТНО

Я, кажется,
Будто все спутал,
Чувства стреножил со зла.
А ты говоришь:
«Попутно,
Нечаянно как-то зашла».
Минуты проходят в молчаньи,
Нам не о чем говорить.
И будто совсем случайно:
«Поезд уйдет до зари,
Поезд уходит скорый...»
Его не вернуть назад.

Я ждал тебя
И без укора
Хотел тебе все сказать.
Сказать,
Что при этой погоде
Непогодь в сердце,
Дождь.
А ты говоришь:
«Проводишь!
К поезду ты придешь!»
На улицах воздух мутный —
Это идет весна.
Ушла
И с собой попутно
Радость мою унесла.
1938

ПОЛИНЕ

Как замечательны,
Как говорливы дни,
Дни встреч с тобой
И вишен созреванья.
Мы в эти дни,
Наверно, не одни
Сердцами стали
Донельзя сродни,
До самого почти непониманья,
Бывало, птиц увижу
На лету,
Во всю их птичью
Крылью красоту,
И ты мне птицей
Кажешься далекой.
Бывало, только
Вишни зацветут,
Листки свои протянут в высоту,
Ты станешь вишней
Белой, невысокой.
Такой храню тебя
В полете дней.
Такой тебя
Хотелось видеть мне,

Тебя
В те дни
Большого обаянья.
Но этого, пожалуй,
Больше нет,
Хотя в душе волнение сильней,
Хоть ближе до любимой расстоянье.
Все отошло
В начале расставанья.
1939

ГУСИ ЛЕТАТ

Гуси летят в закат,
Розовый, как крыло;
В перистые облака
Рвутся они напролом.
Милая! Посмотри —
Гуси летят в Тибет,
Стая, другая, три.
Больше их, больше там,
В воздухе голубом,
Но я не хочу летать,
Я не могу летать —
Я хочу быть с тобой.
1938

В ПОЕЗДЕ

В вагоне тихо.
Люди спят давно.
Им право всем
На лучший сон дано.
Лишь я не сплю,
Гляжу в окно:
Вот птица
Ночная пролетает
Над рекой
Ночной.
Вот лес далекий шевелится.

Как девушку,
Я б гладил лес рукой.
Но нет лесов.
Уходит дальше поезд.
Мелькает степь.
В степи озер до тьмы.
Вокруг озер трава растет по пояс.
В такой траве когда-то мы
С веселым другом
На седом рассвете
Волосяные ставили силки —
И птиц ловили,
И, как часто дети,
Мы птиц пускали радостно с руки.
В вагоне тихо,
Люди спят давно.
Им право всем
На лучший сон дано.
Но только я
Сижусь один, не сплю...
Смотрю на мир ночной —
Кругом темно.
И что я ни увижу за окном,
Я, как гончар, в мечтах
Сижусь леплю.

<1939>

ПОЧТИ ИЗ МОЕГО ДЕТСТВА

Я помню сад,
Круженье листьев рваных
Да пенье птиц, сведенное на нет,
Где детство, словно яблоки шафраны
И никогда не яблоко ранет.

Оно в Калуге было и в Рязани
Таким же непонятым, как в Крыму:
Оно росло в неслыханных дерзаннях,
В ребячестве, не нужном никому;
Оно любило петь и веселиться
И связок не жалеть голосовых...

Припоминаю: крылышки синицы
Мы сравнивали с крыльями совы

И, небо синее с водою рек сверяя,
Глядели долго в темную реку.
И, никогда ни в чем не доверяя,
Мы даже брали листья трав на вкус.

А школьный мир! Когда и что могло бы
Соединять пространные пути,
Где даже мир — не мир, а просто глобус,
Его рукой нельзя не обхватить...

Он яблоком, созревшим на оконце,
Казался нам,
На выпуклых боках —
Где родина — там красный цвет от солнца,
И остальное зелено пока.

Август 1939

МИР

Он такой,
Что не опишешь сразу,
Потому что сразу не поймешь!
Дождь идет...
Мы говорим: ни разу
Не был этим летом сильный дождь.
Стоит только далям озариться —
Вспоминаем
Молодость свою.
Утром
Заиграют шумно птицы...
Говорим: по-новому поют.
Всё:
Мои поля,
Долины, чащи,
Солнца небывалые лучи —
Это мир,
Зеленый и журчащий,
Пахнувший цветами и речистый.
Он живет
В листве густых акаций,
В птичьем свисте,
В говоре ручья.

Только нам
Нельзя в нем забываться
Так,
Чтоб ничего не различать.

Чтоб цвела земля во всей красе,
Чтобы жизнь цвела,
Гудела лавой,
Старое сметая на пути.
Ну, а что касается до славы —
Слава не замедлит к нам прийти.

1939

И дорога прямая,
И ветер степной,
И ветер степной над родной стороной...
Ветер в лицо,
И ветер в груди,
И ветер приказывает: иди!
Иди посмотри, как хлеба хороши,
Прислушайся, как шелестят камыши,
Как песни звенят

в полуночной тиши,

Иди

и дыши, всей грудью дыши,

Иди и гляди, всем сердцем гляди.

Простор голубой

вперед,

позади,

Простор голубой,

Да ветер степной,

Да ветер степной

над тобой,

надо мной...

И дьявольски хочется

не умирать,

Все в мире

услышать,

узнать и понять,—

И звезды ночей,

И журчанье ручьев,

Рожденье стихов

И дрожь парусов,

Романтику странствий

и цокот подков,

Романтику бурь и походных костров,

Романтику схваток,

Романтику слов,

Романтику песен

и песни ветров...

.

Я поднимаю тост

за это

Уже промчавшееся лето...

За то, чтоб солнцем вновь и вновь

Кипела кровь,

звенела кровь,

За то,
 чтоб сквозь годов громаду,
Не посутулившись, пройти,
Чтоб жить,
Чтоб умереть как надо;
Чтоб не растратить в полпути
Большую радость созерцанья,
Большое, жадное вниманье,
Чтоб до последнего дыханья,
Не растранив, донести
Зарниц далеких полыханье,
Горячей полночи молчанье
И трепет Млечного Пути...
Чтоб залпом выпить дар бесценный,
Любить,
 работать,
 петь,
 дышать,
Чтоб каждой клеткой
 вдохновенно
Весь этот мир воспринимать;
Чтоб дней поток
Свободно тек,
Безбрежно светел и широк;
Склонив седеющий висок,
Чтоб каждый
 после
 вспомнить мог,
В веселый час,
 в минуту злую,
В труде,
 на отдыхе,
 в бою,
Огнем и ветром налитую
Большую
 молодость свою.

1938
Москва

* * *

Серые избы в окошке моем,
Грязные тучи над грязным жнивьем.
Мы вечерами,
 Москву вспоминая,

Людам,
не знающим вида шинели,
Людам,
которым не слышать шрапнели,
Им,
над которыми бомбы не пели,
Снова и снова
 пусть скажут о том,
Как уходили товарищи наши,
Взглядом последним
 окинув свой дом.
В земли-погосты,
В земли-калеки...
Пусть мы пройдем их
 опять и опять,
Чтобы понять
 и запомнить навеки,
Чтоб никогда
 уже не отдать.
Значит, так надо.
Вернется пора:
Синие, в звоне
 стекла-серебра,
Вновь над Москвой
 поплывут вечера,
И от вечерней
 багряной зари
И до рассветной
 туманной зари
Снова над незатемненной столицей
Тысячью звезд взлетят фонари.
Пусть же тогда нам
 другое приснится,
Пусть в эти дни
 мы вернемся туда,
В испепеленные города,
Вспомним, как в дождь,
 поднимаясь до света;
Рыли траншеи, окопы и рвы,
Строили доты, завалы, преграды
Возле Смоленска
 и возле Москвы...
Возле Одессы и у Ленинграда.

Иван ПУЛЬКИН
(1903—1941)

ИЗ ЦИКЛА «ДИКИЕ ПЕСНИ»

1

О, как давно я не пил за белою скатертью чаю,
Как давно мой каблук не стучал об асфальт и
торец,

И песни мои дичают,
И я дичаю, их веселый отец.

Где слова мои — быстрые рыбки,
Пересекавшие звонкий поток?
Возьмешь книгу и прошлогодней улыбки
Найдешь засушенный на память цветок.

Он ласково твой взор повстречает
И тихонько запоеет,
И ты увидишь, как песни мои дичают
И как дичает сердце мое.

Возьми и перелистай, если можешь,
Эти сухие цветы,
И ты найдешь под умершей кожей
Живые сны мои и мечты.

2

Дело было к весне,
Накануне мая,
Шел, как полагается, снег,
По улицам пыль подымая.

И я, тишины тише,
Той, что, грустя, поет,

Прислушивался, как бьется выше
Веселое сердце мое.

Шел снег в густой оправе
Филигранного серебра,
Я думал: «А разве вправе
Сердце рваться из-под ребра?»

Разве вправе оно на свободу
Проситься, памятуя о том,
Что, как воду, горячий воздух
Ловлю обгоревшим ртом?»

Воздух обжигал губы,
Как и всякому, кто поет,
И шло постепенно на убыль
Веселое счастье мое.

3

В решетку солнышко разграфлено,
И потому так душно и темно,
И потому в глазах такая муть,
И хочется поверж тоски взглянуть
В лицо весны такой большой и теплой,
Сверкающей на кирпичах и стеклах.
И хочется глаза открыть как можно шире,
Чтоб увидеть, как все свежее в мире:
Как крепнут мускулы, как набухают почки,
Как на дворах резвится детвора,
Как, разговаривая, идут трактора,
Распахивая впадины и кочки.
Я вышел бы, как прежде, на крыльцо,
Чтоб ветер брызнул дождиком в лицо,
Чтобы обжег скользящий с синих круч
Отточенный звонкоголосый луч.
Но ветра нет, и душно и темно,
Откуда он возьмется, звонкий луч-то,
Сквозь этот мрак тяжелый,

потому что

В решетку солнышко разграфлено.

1934—1935

ОБРАЩЕНИЕ К ЛЮБИМОЙ НЕПОСРЕДСТВЕННО

1

Дай на прощанье поцелую в лоб,
Чтоб грустью память не томилась,
Чтоб все забылось, все прошло,
Прошедшее чтоб стало мило.
 Дай на прощанье поцелую в лоб...

Дай руку поцелую — будь здорова,
Вновь окунись в задумчивый покой,
Разбавленный прохладною тоской.
 Дай поцелую руку — будь здорова!

Теперь последний поцелуй — в глаза.
За их задумчивое, теплое сиянье,
Чтоб снова улыбнулись при свиданьи.
 Один последний поцелуй — в глаза!

2

Ты не приехала, а жалко —
Тебя готовились встречать
Рябины в сарафанах жарких
И в штофных шальях на плечах...
Гадали: конной или пешей
Прибудешь ты... А день горел...
Чем их печаль теперь утешить?
Тем, что приедешь в декабре?

Лес, выслав встречу, выслал тропы
Коврами... День был тих и синь...
Чем успокоить горький ропот
Грустящих о тебе осин?
Как приглашать тебя?.. Какую
Всесильной песней заманить?..
Здесь все насыщено тоскою,
Все ждет тебя, считая дни!

Октябрь 1938

ПРОЛИВ ДЕТСТВА

Будто у этой ночи есть свое тепло:
невиданное греющее солнце.

И. А. Гончаров

Ты спишь — щенок щенком, уткнувши нос
в ладошки,
Прижмурив взгляда омут голубой...
Ты спишь и видишь: за ночным окошком
К большой луне, мурлыча словно кошка,
Разнежась, ластится недремлющий прибой...

Вдоль побережья трав безбрежное кипенье,
Ласкающее спящие зрачки,—
В них будто в море мира отраженье
Плывет торжественно... Задвижки и крючки
Не в силах воспретить ему плескаться в спальне,
Запорам не смирить неукротимый бег,—
Сквозь камень стен, сквозь древесину ставней
Оно проникло в комнату к тебе!
Тебя невидимо ночное солнце греет —
На лбу солоноватая роса...
И шумный мир не для тебя стареет;
Ты дышишь глубже, чище и острее,
Ты видишь белые, как сахар, паруса,
Ты твердою ногой на палубу ступаешь,
Ты бродишь в зарослях, ты покоряешь мир;
Старуха жизнь, на радости скупая,
С тобой щедра, боец и командир!
Я вижу, ты оседлываешь ветер,—
Он крутится, виляя и юля,
Но он тебе и лучший друг на свете,
Он ветер времени — у ног твоих земля!

Ты мне не сын, ты мне чужой ребенок,
Я имени не знаю твоего,
Но голос твой знаком, он золотист и звонок,
Нежней, пожалуй, солнца самого!
Ты мне не сын, но чувствую, как дышишь,
Чужого счастья любимая слеза.
Я не встречал тебя и имени не слышал,
Но снам твоим заглядывал в глаза!
Я знаю, что лицом ты в наше время вышел,

Что не рожден ты для обид и бед
И что для матери нет в мире счастья выше,
Чем заглянуть в твой розовый расцвет,
Наполненный весенним жарким соком,
Что в мире выше нет звезды твоей высокой!..

С реальностью такое детство в споре,
Мне скажут — влаги розовой стакан!..
Но я ж не говорил, что детство — это море,
Оно лишь только путь в просторный океан!..
1939

* * *

День распускается ярким
Венчиком лютика. Зной
Сияющий и жаркий
Над задремавшей рекой!..
Ласточка крылом режет
Тонкий шелк вышины;
Цветет над побережьем
Воздушный лес тишины...
Стрекозы зеленокрылой трепет,
Дробя стекло синевы,
Уплывает в лепет,
В лепет, в шелест листвы...
И в полупрозрачные ветви,
Склонившись на грудь воды,
Будто читают ветром
Оставленные следы...
И ты стоишь не дыша, внимая
Мелодии сладостного молчанья,
Все видя, все слыша, все понимая
Всевидением печали.
Вставай же из мглы безвестной
На солнечный светлый пир,
С высокого берега песни
Еще необъятней мир!

1941

Борис СМОЛЕНСКИЙ
(1921—1941)

РЕМЕСЛО

Есть ремесло — не засыпать ночами
И в конуре, прокуренной дотла,
Метаться зверем, пожимать плечами
И горбиться скалою у стола.
Потом сорваться. В ночь. В мороз.
Чтоб ветер
Стянул лицо. Чтоб, прошибая лбом
Упорство улиц,
 здесь сейчас же встретить
Единственную нужную любовь.
А днем смеяться. И, не беспокоясь,
Все отшвырнув, как тягостный мешок,
Легко вскочить на отходящий поезд
И радоваться шумно и смешно.
Прильнуть ночами к звездному оконцу,
И быть несчастным от дурацких снов,
И быть счастливым просто так — от солнца
 на снежных елях.

Это — ремесло.
И твердо знать, что жизнь иначе — ересь,
Любить слова. Годами жить без слов.
Быть Моцартом. Убить в себе Сальери
И стать собой.
И это — ремесло.

1938

* * *

Полустудент и закадычный друг
Мальчишек, рыбаков и букинистов.
Что нужно мне?
 Четвертку табаку

Да синюю свистящую погоду,
Немного хлеба, два крючка и леску,
Утрами солнце, по ночам костер,
Да чтобы ты хоть изредка писала,
Чтоб я тебе приснился... Вот и все.
Да нет, не все...

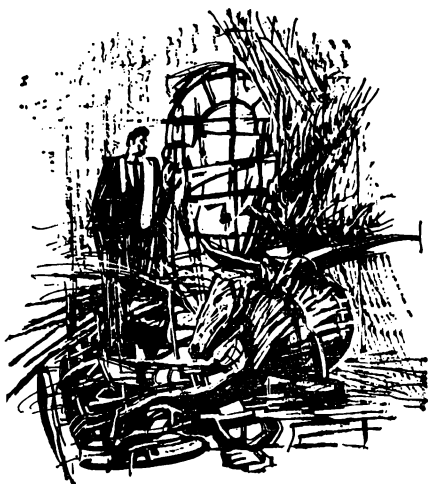
Опять сегодня ночью
Я задохнусь и буду звать тебя.
Дай счастье мне! Я всем раздам его...
Но никого...

1939

НОЧНОЙ ЭКСПРЕСС

Ночной экспресс бессонным оком
Проглянет хмуро и помчит,
Хлестнув струей горящих окон
По черной спутанной ночи,

И задохнется, и погонит,
Закинув голову, сопя,
Швыряя вверх и вниз вагоны,
За стыком — стыки, и опять

С досады взвояет и без счета
Листает полустанки, стык
За стыком, стык за стыком,
к черту
Послав постылые посты...

Мосты ударам грудь подставят,
Чтоб на секунду прорыдать
И сгинуть в темени...
И стая
Бросает сразу провода.

И — в тучи,
и в шальном размахе
Им ужас леденит висок,
И сосны — в стороны, и в страхе,
Чтоб не попасть под колесо...

И ночь бежит в траве по пояс,
Скорей, но вот белеет мгла —
И ночь
бросается под поезд,
Когда уже изнемогла...

Я очень люблю тебя. Значит — прощай.
И нам по-хорошему надо проститься.
Я буду, как рукопись, ночь сокращать,
Я выкину все, что еще тяготит нас.

Я очень люблю тебя. Год напролет,
Под ветром меняя штормовые галсы,
Я бился о будни, как рыба об лед
(Я очень люблю тебя),
и задышался.

И ты наблюдала (Любя? Не любя?),
Какую же новую штуку я выкину?
Привычка надежней — она для тебя.
А я вот бродяжничать только привыкну.

Пойми же сама — я настолько подрос,
Чтоб жизнь понимать не умом, так боками.
В коробке остался пяток папирос —
Четыре строки про моря с маяками.

С рассветом кончается тема. И тут
Кончается все. Расстояния выросли.
И трое вечерней дорогой бредут
С мешками.

За солнцем,
за счастьем,
за вымыслом.

1939?

ФРАНСУА ВИЙОН

Век, возникающий неожиданно
В сухой, отравленной траве,
С костра кричащий, как Джордано:
«Но все равно ведь!» —
Вот твой век!

Твой век ударов и зазубрин,
Монахов за стеной сырой,
Твой век разобран и зазубрен...
Но на пути профессоров

Прохладный блик от лампы лег,
Дрожа, как мотылек,
На выпуклый и чистый лоб,
На светлый завиток.
В углах у глаз теней покой...
Я так люблю тебя такой!
Давай молчать под тишину
Про дни и про дела.
Любовь, удачу и беду
Поделим пополам.
Но город ветром унесен,
И солнцу не бывать,
Я расскажу тебе твой сон,
Пока ты будешь спать.

1939

* * *

А если скажет нам война: «Пора» —
Отложим недописанные книги,
Махнем: «Прощайте» — гулким стенам
институтов

И поспешим
по взбудораженным дорогам,
Сменив слегка потрепанную кепку
На шлем бойца, на кожанку пилота
И на бескозырку моряка.

1939

* * *

Я сегодня весь вечер буду,
Задыхаясь в табачном дыме,
Мучиться мыслями о каких-то людях,
Умерших очень молодыми,
Которые на заре или ночью
Неожиданно и неумело
Умирали,
не дописав неровных строчек,
Не долюбив,
не досказав,
не доделав...

1939

* * *

Я иногда завидую жестоко:
Ведь мне б, тоску скитаний утолив,
Дышать, как море,— ровно и глубоко,
Непобедимо, как морской прилив.

1940

Сергей СПИРТ
(1917—1942)

ПУШКИН

Языческая красота лесов,
Снежинки крупные, как сливы.
И бег саней, и шум подков,
И вдалеке — рукав залива.

И снег, лежащий пеленой,
И ветер под кустом; и город,
Звучащий каменной струной,
Воспетый им; ночные споры,

Горящие от пунша губы,
Белесый северный рассвет...
И Пушкин сбрасывает шубу —
И поднимает пистолет.

1935

ТВОРЧЕСТВО

На свете пути не найдете другого,
Седой океан уж не так постарел.
Колумб! Ты вернешься в Америку снова,
Чтоб ветер хлестал паруса каравелл.

Ты снова поднимешься — грозным, великим —
И шторм укротишь поворотом руля.
Ты мир всколыхнешь своим вихревым криком,
Настойчивым криком: «Земля!»

Мне тоже припало широкое море,
Мне тоже судьба моя с детства велит

Как белке вертеться по старым просторам
Сырой, и округлой, и жадной земли.

Мне тоже шататься и глохнуть от жажды,
Искать, убеждаться и не находить,
Теряться в догадках — и, может быть, дважды
Все той же дорогой, как новой, ходить.

1939

ДОЧЕРИ

Мне кажется — я не был дома вечность.
Вернусь нежданно, вернусь к утру.
Остановлюсь, почтив твою беспечность,
Пройду к тебе, глаза твои протру.

Губами встречу волосы густые,
Услышу крик — что до рожденья мил,
И отступлю, увидевши впервые,
Как, просыпаясь, ты глядишь на мир.

Ты будешь легкой, маленькой и птичьей,
Захочешь сразу все собрать в одно,
И я пойму, как я косноязычен,
И замолчу — раскрою лишь окно.

Смотри сама, здесь не помочь словами.
Мы входим в мир, не трогая их зря.
Так в детстве узнается тяжесть камня,
И недруги, и лучшие друзья.

Так вырастают, отдаются делу
И вспоминают радость первых дней,
Чтоб снова ощутить себя незрелым
Над колыбелью собственных детей.

1939

ГРОЗА НОЧЬЮ

Смешался с вымыслом грозы
Внезапно сыгранный Бетховен.
Он постигал ее азы
И поднимался с громом вровень.

Он ждал, глаза оледенив,
Раскатом мощным обесславлен:
Он уловить хотел мотив,
Но глухотою был подавлен.

Он шел в мажор — и застывал,
Следя за грозовым волненьем!
Я путал подлинники и не знал,
Кого назвать изображеньем.

<1940>

РЕКВИЕМ ЛЕРМОНТОВУ

И я клянусь — на каждой кромке
Вдали распластанных снегов,
Как завещание потомкам,
Дымится пролитая кровь.

И Терек, выгнувшись, как шпага,
В лучах сверкающей струей,
Бряцает в тесноте оврага,
Точа о камни лезвие.

Метнув волну, он шлет наружу
Каскады радужных теней
И грозно бережет оружие,
Как верный слепок этих дней,

Еще волнующих не тем ли
Предсмертным часом все острей,
Когда поэт, влюбленный в землю,
Погиб, не расквитавшись с ней,

Где дальним громом промелькнула
Глухая пуля на лету,
Как будто чокнулись аулы,
Рассыпав эхо на версту.

<1940>

ТРИ СОНЕТА

1

Где б я ни жил и где б мой ни был дом,
Какое б небо ни стучалось в ставни,
Я б никогда не кончил счета с давним
Из-за звезды перед моим окном.
Я б думал вновь, что это все во сне,
Что отстоять тебя еще не поздно,
Что ты жива и ты еще во мне,
Как терпкий сок в налитых солнцем гроздьях.
Я б вместо моря расплескал тебя,
И вместо ветра — пил твое дыханье.
Я б, пенье птиц на ноты раздробя,
Нашел в них отзвук твоего признанья,
Из плеска волн я б вновь создал тебя.
Но в этот миг тревожного желанья

2

Я настежь двери отворяю в ночь
И слышу капель щелканье глухое
И шум дождя, который превозмочь
Не в силах даже трубный звук прибора.
Я так хочу, чтоб ты была со мной,
Чтобы, по крайней мере, ты казалась
У ног моих распластанной землей,
Ночной волной, с которой ты смешалась.
Я так хочу опять тебя найти,
Сквозь плач пробившись, вылепить из ночи,
Из горя моего, чтобы в груди
Ты задыхалась цепкой вязью строчек,
Стихами, где остались позади
Одни мечты. И чтоб я мог воочью

3

Вновь обрести рассветный шум дорог,
Глухих лесов чернеющие пятна,
Где каждый с ветки сорванный листок
Уже как будто просится обратно,
Где нужно верить, что мой стол широк,

Но сколько б я за ним ни оставался —
Течет вода сквозь стиснутые пальцы,
И на ладони не сдержать песок.
Я б никогда не вспоминал о нем,
Раз навсегда покончив счеты с давним,
Но все равно перед моим окном
Дано звезде сиять твоим лицом,
Где б я ни жил и где б мой ни был дом,
Какое б небо ни стучалось в ставни.

<1940>

Вадим СТРЕЛЬЧЕНКО
(1912—1942)

СМОТРИТЕЛЮ ДОМА

Если постучится у ворот,
От ветров и солнца темнокожий,
С книжкой моих стихов прохожий,
Спрашивая громко:
«Тут живет
Стрельченко, поэт, который всюду
Славить будет землю и людей,
На земле трудящихся,—
Покуда
Не земля — на нем,
А он — на ней!

И который, хоть писал годами,
Обыскав карманы брюк своих,
Вытащит не кошелек с деньгами —
Только сильных две руки мужских!

И не птичьим посвистом гордится —
Яблоком, киркой в руках людей,
Потому что больше пенья птицы
Любит смех и голоса друзей,
И затем лишь и живет на свете?»
Увидав в моем окошке свет,
Вы тому товарищу ответьте:
«В этом доме есть такой поэт».

1936

МОЯ ФОТОГРАФИЯ

На фотографии мужчина снят.
Вокруг него растения торчат,
Вокруг него разросся молочай —
И больше ничего... Безлюдный край!

И больше ничего, как будто он
И вправду под капустою рожден...

Я с удивлением гляжу на свой портрет:
Черты похожи, а меня и нет!
Со мной на фотографии моей
Должны бы сняться тысячи людей,
Людей, составивших мою семью.

Пусть мать качает колыбель мою!
Пускай доярки с молоком стоят,
Которое я выпил год назад,—
Оно белело чисто и светло,
Оно когда-то жизнь мою спасло.

Матрос огромный, с марлей на виске,
Качающийся на грузовике
В гробу открытом лунной ночью... Он
Сошел на землю охранять мой сон,
Акацию и школьную скамью
И навсегда вошел в мою семью.

А где-то сзади моего лица
Найдется место и для подлца,
Чей прах в земле — и тот враждебен мне:
Явись, Деникин, тенью на стене!

Торговка Марья станет в уголке —
Купоны, боны, кроны в кошельке,—
Рука торговки тянется к плодам...
Я враг скупцам, лжецам и торгашам!

Со мною должен сняться и солдат,
Мной встреченный семнадцать лет назад.
(Такое шло сиянье по волне,
Что стыдно было плюнуть в воду мне.)

Солдат французский в куртке голубой,
Который дыню поделил со мной,
Почуяв мальчика голодный взгляд...
Шумело море... Где же ты, солдат?
Забыв твои глаза, улыбку, рот,
Я полюбил всей Франции народ.

Так я пишу. И предо мной портрет,
Ему уже конца и края нет:
Явитесь, хохоча и говоря,
Матросы, прачки, швеи, слесаря.
Без вас меня не радует портрет,
Как будто бы руки иль глаза нет.

Учителя, любившие меня!
Прохожие, дававшие огня!
Со мною вы. Без вас, мои друзья,
Что стоит фотография моя!

1936

ЛИВЕНЬ

Снова зеленые всходы
Над прошлогодней листвою.
В пыль измельченные воды
Тучей несет над Москвой.

Смолкнуло, заблестело...
Что это — солнце взошло?
(Грянуло, потемнело...)
Нет, полило, полило.

Струи! Они исчезают...
Где они, струи? Смотри:
Вот уж они распрямляют
Почки берез изнутри,
Чтобы росла и гудела
Каждой травинкой земля.

Хочется важного дела.
Это не нужно,
А я —
Краны наполнены, знаю,
Водопроводной водой —
Все же ведро выставяю
Под водосточной трубой.

Все, что не врыто, не вбито,
Все, что корней лишено, —
Будет размыто и смыто,
Ливнем унесено.

1939

СЕРДЦЕ КОТОВСКОГО

*В Одессе, в музее,
хранится сердце Котовского.*

1

Среди балюстрад и колонн
В музее, в глубоком покое,
Меж сабель, гранат и знамен
Поставлено сердце людское.
Спи, сердце!..
Но спи не в земле,
Где тело героя зарыто,—
В спирту и в прозрачном стекле
Спи, сердце, светло и открыто!

Живучею кровью своей
Ты руки и мозг омывало
И равное место сыскало
В кругу боевого металла
Кольчуг, и штыков, и мечей.

Котовский!
Опять о войне
Разносятся крики в эфире.
Будь с нами,
Когда в тишине
Построимся в ряд по четыре.
Котовский!

2

...Но нет: сквозь пласты
Земли, что могилой осела,
Не выступят контуры тела,
Лица не проступят черты.

Котовского нету. Давно
Распались мускулы тела,
И клетка грудная истлела.
Но сердце — осталось оно.
О, сердце за светлым стеклом!
Мы живы и знаем поныне,
Что действовать острым штыком,

Владеть и конем и клинком
Судьба поручила мужчине.

Изогнутый по краям,
Знак свастики тянется к нам
Змеей, ядовитой змеею,
Разрубленной пополам...
Живые, готовьтесь к бою!

3

Спи, сердце. Я тихо стою.
Что делается со мною?
Я слез по убитым не лью,
Не вылечить мертвых слезою.

О, даже и женщина, мать,
Еще никогда не сумела
Сыновнему мертвому телу
Вторичную жизнь даровать...
Все это могу я понять.
Но чудится дивное дело:

Когда и осколки гранат,
И танки, и песни солдат
Вдруг станут виденьем былого,
Когда на земле победят
Работники шара земного
И весть о победе пройдет
По шумным одесским кварталам,

Спирт в банке окрасится алым,
И сердце бойца оживет!

1941

Георгий СУВОРОВ
(1919—1944)

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Веет, веет и кружится,
Словно сон лебедей,
Вяжет белое кружево
Над воронкой моей.

Улетает и молнией
Окрыляет, слепит...
Может, милая вспомнила,
Может, тоже не спит.

Может, смотрит сквозь кружево
На равнину полей,
Где летает и кружится
Белый сон лебедей.

1943?

СНАЙПЕР

Он такой же, как все,
Только глаз быстрее.
Видит так же, как все,
Только видит ясней.

Среди многих теней
Придорожных берез
Выделяет одну
В человеческий рост.

Среди многих одну
Выделяет он.
И винтовка к плечу.
И курок взведен.

И над мушкою дым —
Соболиный хвост.
Грузно падает тень
В человеческий рост.

<1943>

* * *

М. Романовой

Сочилась кровь, и свет бежал из глаз.
Сверкал огонь — и вдруг огонь погас.

А он дрожал, как будто кто-то гвоздь
Вбивал в его раздробленную кость.

Но лишь на миг в себя он приходил —
Ползти старался из последних сил

Туда, где на ветру дрожит трава,
Где катит волны к берегу Нева.

Туда, где лодки... где прохлада... Но
Летит земля на грудь... В глазах темно...

И кажется... все прошлое забудь!
На половине оборвался путь...

Но вдруг на грудь твою сошла заря,
Весенней белой яблоней горя.

В твои глаза два синие цветка
Вдруг посмотрели. О, как жизнь сладка!..

И девушка, в руке зажав бинты,
Тебе сказала: «Жить! Жить будешь ты!..»

<1943>

МЕСТЬ

Мы стали молчаливы и суровы.
Но это не поставят нам в вину.
Без слова мы уходим на войну.
И умираем на войне без слова.

Всю нашего молчанья глубину,
Всю глубину характера крутого
Поймут как скорбь по жизни светлой, новой,
Как боль за дорогую нам страну.

Поймут как вздох о дорогом рассвете,
Как ненависть при виде вражьих стад...
Поймут — и молчаливость нам простят.

Простят, услышав, как за нас ответят
Орудия, винтовки, сталь и медь,
Сурово выговаривая слово: «Месты!»
<1943>

* * *

Бушует поле боевой тревогой.
И вновь летит сегодня, как вчера,
Солдатское крылатое «ура!»
Своей воздушной, дымною дорогой.

И вновь солдат окопы покидает,
И через грязь весеннюю — вперед,
В постылом свисте стали, в шуме вод
Ни сна, ни часа отдыха не зная.

Глаза опалены огнем и дымом,
И некогда поднять усталых глаз,
Чтобы за две весны боев хоть раз
Всласть насладиться всем до слез любимым.

Увидеть, как среди пустых воронок,
На уцелевшем пяточке земли,
Две стройные березки расцвели,
Как жизнь среди полей испепеленных.

Да. Это жизнь. Она к смертям привыкла.
Но всюду явно жизни торжество.
Она шумит зеленою листвою,
Как вечное вино, как сердца выкрик.

Она глядит и слушает с тревогой,
Как режет мрак крылатое «ура!»,
Как целый день сегодня, как вчера,
Мы падаем, а нас все так же много.

<1943>

БРУСНИКА

Я шел в разведку. Времени спокойней,
Казалось, не бывало на войне.
Хотелось отдохнуть на горном склоне,
Присев к густой приземистой сосне.

Хотелось вспомнить край золотикий,
Мою Сибирь, мою тайгу. И вот
Пахнуло пряным запахом брусники
Над прелью неисхоженных болот.

О, неужели, упоен мечтою,
Я вызвал аромат моей страны...
Брусника каплей крови предо мною
Горит у корня срубленной сосны.

С какою дикой радостью приник я
К брусничным зорям, тающим в траве.
Но мне пора. Иду. В глазах брусника,
Как бы далекой родины привет.

<1943>

* * *

Пришел и рухнул, словно камень,
Без сновидений и без слов,
Пока багряными лучами
Не вспыхнули зубцы лесов,

Покамест новая тревога
Не прогремела надо мной.
Дорога, дымная дорога,
Из боя в бой, из боя в бой...

<1944>

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день,— мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней,—
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей.

<1944>

Мы тоскуем и скорбим,
Слезы льем от боли...
Черный ворон, черный дым,
Выжженное поле...

А за гарью, словно снег,
Ландыши без края...
Рухнул наземь человек,—
Приняла родная.

Беспокойная мечта,
Не сдержат живую...
Землю милую уста
Мертвые целуют.

И уходит тишина...
Ветер бьет крылатый.
Белых ландышей волна
Плещет над солдатом.

<1944>

* * *

Леса и степи, степи и леса...
Тупая сталь зарылась в снег обочин.
Над нами — туч седые паруса,
За нами — дым в огне убитой ночи.

Мы одолели сталь. Мы тьму прошли.
Наш путь вперед победою отмечен.
Старик, как будто вставший из земли,
Навстречу нам свои расправил плечи.

Мы видели, как поднял руку он,
Благословляя нас на бой кровавый.
Мы дальше шли. И ветер с трех сторон
Нам рокотал о незакатной славе.

<1944>

Михаил ТРОИЦКИЙ
(1904—1941)

* * *

По-разному неслись мои года.
Я не пожалуюсь, что мог прожить иначе.
И вечно жадный, жаждущий и зрячий,
Я не боялся смерти никогда.

Я помню смерть, глядевшую угрюмо
На землю, что уходит из-под ног,
Но в простоте я никогда не думал,
Чтоб целый мир во мне погаснуть мог...

1936

МУЗЕЙ МУРАВЬЕВ

Двенадцать тысяч муравьев
Собрали зернышки плодов
И много разноцветных игл —
Музей готов.

Торчала кочка, а под ней,
У догнивающих корней,
Сто комнат и двухсветный зал,
И там видней —
Черники синенький плакат,
Суставы муравьиных лат,
Коронки челюстей, рога
Рядком лежат.

И стопки крыльев расписных,
И усики клопов лесных,
И пряжа тонких паутин
Лежат с весны.

Мешочки желтых мертвых тлей,
И в кубиках вишневый клей,
И в колокольчиках пыльца
Со всех полей.

Но странный есть один предмет,
Таких в музее больше нет.
Громадный конус, тяжкий вес
И странный цвет.

Стоит он, круглый, без конца,
Как бог, лишившийся лица,
И капли сохранивший вид,
Кусок свинца.

Здесь не узнают, как он тверд,
Какою силой он протерт
Сквозь пыль и ветер, ткань и кость
И шум аорт.

Как червь его безглазый грыз,
И в прахе он катился вниз,
И тонкий стебелек травы
Над ним повис.

Его катили через пыль
За сотни муравьиных миль.
И в поколеньях муравьев
Забывлась быль
Микроскопических минут.

Сто поколений проживут,
А он, ужасный и простой,
Все тут.

Геометрический предмет,
Но для него масштабов нет,
Как будто в этот мир внесен
С других планет.

1938

РАЗЛУКА

Весной над кустиком терновым
Всю ночь просвищет соловей,
Но дремлет над гнездом готовым,
И нас порой замучит скука,
Мы не найдем в себе ни звука,
Хотим чего-то поновей...
А для меня безделье — мука.

Да просветит меня разлука
Печалью ласковой своей!

25 апреля 1940

* * *

Когда художник ошупью находит
Правдивую, живую красоту, —
Звенящим углем по холсту он водит,
Воображая верную черту.

Так иногда за пробами размера
Приходит то, чем дышишь и живешь,
Отчетливей, чем смета инженера,
Отчет бухгалтера и мастера чертеж.

1941

ПРОЩАНИЕ

Застыли, как при первой встрече.
Стоят и не отводят глаз.
Вдруг две руки легли на плечи
И обняли, как первый раз.

Все было сказано когда-то.
Что добавлять? Прощай, мой друг.
И что надежней плеч солдата
Для этих задрожавших рук?

1941

Иосиф УТКИН
(1903—1944)

МОЛОДЕЖИ

Нас годы научили мудро
Смотреть в поток
До глубины,
И в наших юношеских кудрях
До срока —
Снежность седины.

Мы выросли,
Но жар не тает,
Бунтарский жар
В нас не ослаб!
Мы выросли,
Как вырастает
Идущий к пристани корабль.

1925

СТИХИ О ДРУЖБЕ

Я думаю чаще и чаще,
Что нет ничего без границ,
Что скроет усатая чаша
Улыбки приятельских лиц,

Расчетливость сменит беспечность,
И вместо тоски о былом
Мы, встретясь,
Былую сердечность
Мальчишеством назовем.
Быть может,
Рассудочной стужей
Не тронем безусых путей.

Быть может,
Мы будем не хуже,
И все-таки будем не те...

Вот девушку любим и нежим,
А станет жена или мать —
Мы будем всё реже и реже
Любимой ее называть...

1926

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Нет, что-то есть такое выше
Разлук
И холода в руке!
Вы снились мне,
И вас я слышал
На лазаретном тюфяке.

И это вас,
Когда потухло,
Я у груди пронес назад,
Как девочка больную куклу,
Как руку
Раненый солдат...

Вы на далеком повороте,
Не враг,
Не друг
И не родня...
Но нет,
Но нет, вы не уйдете...
Вы не уйдете
От меня!

Нет,
Даже предаваясь плоти
С другим —
Вы слышите: с другим! —
Вы нежность вашу
Назовете
Библейским именем моим.

И это выше,
Выше, выше
Разлук
И холода в руке!
Вы снились мне...
И вас я слышал
На лазаретном тюфяке.

Мне и теперь
Былое, право,
Переболеть не удалось.
И надо мною
Ваша слава
Густых
Тропических волос.

И я,
Как в милом сновиденье,
Все принимаю, без границ,
Все...
Даже узкое презренье
Полуприщуренных ресниц.

1928

ОПРАВДАНИЕ

Мне
Действительно лямкой натерло,
И спасения прямо нет!
Как с ножом — понимаете —
К горлу
Подступают
Мои тридцать лет.

Где спастись
И куда мне податься?
Нет на свете
Такого пути!
И от этого
Займодавца
Все равно
Никуда не уйти.

Нет такой удивительной
Кровли!
А стране моей
И невдомек,
Что я словом,
Пропитанным кровью,
Многим людям,
Как хлебом,
Помог.

Да когда
И кому было дело
До такой захолустной глуши,
Как провинция
Бедного тела
Или темная область
Души!..

Крест
На все это дело поставить,—
Вот, по-моему,
Способ один:
Быть спокойным
И время заставить
Подождать
С предъявлением седин.
<1933>

СЕРДЦЕ

Ничего не пощадили —
Ни хорошее, ни хлам.
Все, что было, разделили,
Разломали пополам.

Отдал книги,
Отдал полки...
Не оставил ничего!
Даже мелкие осколки
Отдал сердца своего.

Все взяла.
Любую малость —
Серебро взяла и жесть.
А от сердца... отказалась.
Говорит — другое есть.

Июль 1935

ПОСВЯЩЕНИЕ

Трудно нам с тобой договориться,
Трудно, милая, трудней всего:
Резко обозначена граница
Счастья твоего и моего.

И, усталые, полуживые,
Зубы стиснувши и губы сжав,
Мы с тобой стоим, как часовые
Двух насторожившихся держав.

Ноябрь 1935

ТИПИЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Двое тихо говорили,
Расставались и корили:
— «Ты такая...»
— «Ты такой!..»
— «Ты плохая...»
— «Ты плохой!..»
— «Уезжаю в Ленинград...»
— «Как я рада!»
— «Как я рад!!»

Дело было на вокзале.
Дело было этим летом.
Всё решили. Всё сказали.
Были куплены билеты.

Паровоз в дыму по пояс
Бил копытом на пути:
Голубой курьерский поезд
Вот-вот думал отойти.

— «Уезжаю в Ленинград...»

— «Как я рада!»

— «Как я рад!!»

Но когда...

Чудак в фуражке

Поднял маленький флажок,

Паровоз пустил барашки,

Семафор огонь зажег...

Но когда...

Двенадцать двадцать

Бьет звонок. Один. Другой.

Надо было расставаться...

— «До-ро-гая!»

— «До-ро-гой...»

— «Я такая!»

— «Я такой!»

— «Я плохая!»

— «Я плохой!»

— «Я не еду в Ленинград...»

— «Как я рада!»

— «Как я рад!!»

Ноябрь 1935

ПОСВЯЩЕНИЕ

Так много врем, так мало верим...

Пять лет прошло теперь почти,

Как, с возмущеньем хлопнув дверью,

Меня оставили мечты.

Остатки счастья проживая,

Менял я женщин и места.

Душа моя, как нежилая,

Была огромна и пуста.

Глубокой мглой и дремой облит,

Я шторы наглухо спустил

И спал... пока твой светлый облик

Меня опять не осветил.

И в это радостное утро,
Давно забытое почти,
Я увидал опять как будто
Знакомое лицо мечты.

В моей разбуженной прихожей
Я узнаю ее, любя...
Она, как в зеркале, похожа,
Моя родная, на тебя!

1935?

СНЕГУРОЧКА

Любовь моя, снегурочка,
Не стоит горевать!
Ну, что ты плачешь, дурочка,
Что надо умирать?

Умри, умри, не жалуясь...
Играя и шутя,
Тебя лепило, балуясь,
Такое же дитя.

Лепило и не думало,
Что не веселый смех —
Живую душу вдуло
Оно в холодный снег!

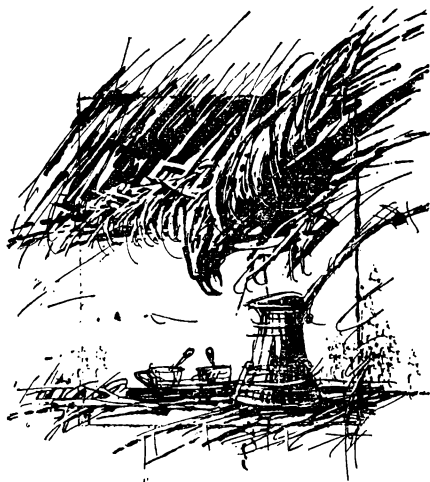
И что, когда откружится
Безумный этот вихрь,
Останется лишь лужица
От радостей твоих...

1940

* * *

Я видел девочку убитую,
Цветы стояли у стола.
С глазами, навсегда закрытыми,
Казалось, девочка спала.

И сон ее, казалось, тонок,
И вся она напряжена,

Как будто что-то ждал ребенок...
Спроси, чего ждала она?

Она ждала, товарищ, вести,
Тобою вырванной в бою,—
О страшной, беспощадной мести
За смерть невинную свою!

8 июля 1941

ИЗ ПИСЬМА

...Не жаль ни друга, ни жены,
Мне жаль не самого героя.

Н. А. Некрасов

Когда я вижу, как убитый
Сосед мой падает в бою,
Я помню не его обиды,
Я помню про его семью.

Мне представляется невольно
Его обманчивый уют.
...Он мертв уже. Ему не больно,
А их еще... письмом убьют!

*Июль — август 1942
Брянский фронт*

Я ВИДЕЛ САМ

Я видел сам... Но нет, не верю,
Не верю собственным глазам,
Чтоб то, что я увидел сам,
Свершили люди, а не звери!

Не верю, нет! Но тише, тише...
Я видел сам... Я видел их —
Невинных, мертвых и нагих,
Штыками проткнутых детишек!

И, как слепой, руками шаря,
Не веря собственным глазам,—
Их матерей в костре пожара,
Товарищи, я видел сам!

Тяжелый сон? Ну нет, едва ли
Приснятся нам такие сны!
...Пилотки сняв, потрясены,
Безмолвно мы вокруг стояли.

Стояли мы, застыв на месте...
И как взлетали к небесам
Слова о беспощадной мести,
Товарищи, я слышал сам!

1942

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, ДОРОГАЯ...

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — *другая*.
Это значит... сырая земля.

Это значит, дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю,
Только вами и счастлив я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

1942

ТЫ ПИШЕШЬ ПИСЬМО МНЕ

На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звезды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны.

Как долго ты пишешь его, дорогая.
Окончишь и примешься вновь.
Зато я уверен: к переднему краю
Прорвется такая любовь!

...Давно мы из дома. Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома — и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых писем.
Читая, за каждой строкой
Любимую видишь
И родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю.
И время такое придет:
Останутся грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдет.

И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств перечтем...

1943

СЕСТРА

Когда, упав на поле боя —
И не в стихах, а наяву,—
Я вдруг увидел над собою
Живого взгляда синеву,

Когда склонилась надо мною
Страданья моего сестра,—
Боль сразу стала не такую:
Не так сильна, не так остра.

Меня как будто оросили
Живой и мертвою водой,
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой!..

1943

МАТЬ СОЛДАТА

...Но где-то есть душа одна,
Она до гроба помнить будет.
Н. А. Некрасов

Кто твое запомнит имя
В этом грохоте миров,
Седенькая героиня
Одиноких вечеров?

С кем в жестоком этом гуле,
С кем, скажи, тебя сравнить?
Горе, что тебя согнуло,
Не смогло тебя сломить!

А в ушах знакомый шепот.
Пишет: был опять в бою...
И попробуй тут заштопать
Боль безмерную свою!

Год в разлуке, год не видясь
(Жив ли он? Дождусь ли я?) —
Но ничем себя не выдаст
Скорбь согбенная твоя.

Разве только вздохом слабым
Облегчит немного грудь,—
Всё, в чем Родина могла бы
Мать солдата упрекнуть.

Стань же рядом, рядом с громкой
Славой храбрых сыновей —
Этих доблестных потомков
Скромной храбрости твоей!..

Между 1941 и 1944

Иван ФЕДОРОВ
(1913—1942)

* * *

Милой называл,— не улыбнулась;
Как люблю, рассказывал,— грустила;
Целовал бы молча,— отвернулась;
Уходить собрался,— не пустила...
Положила руку
На мое плечо —
Лучше бы ни звука
Не сказать еще...
Долго ли стояли на поляне?
Выпала вечерняя роса.
Кто любил когда-нибудь — оглянет
Родины дремучие леса
И увидит эту,
Близко ли, далече,
Сломанную ветку
В знак прощальной встречи.

<1939>

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Во льдах, с погодой не в ладу,
Вели суровые поморы
Поток плотов на поводу,—
О берег бились волны спора:
— Вконец погубит, лиходей!
— Подохнем, братцы, без причастья!
— Смышленных, видишь ты, людей
Шлет к супостатам обучаться
Владеть мечом и долотом
Да городить дома в туманах...
— Вишь, срезал бороду, потом
Нательный крест сорвет с гайтана...

Недолг спор, недолги сборы,
Пока палаты небогаты,
Открыть кабак, закрыть соборы,
Копить казну, рубить фрегаты...

Страна посевов и лесов
Роптала глухо. Но Петру
Уже виднелся порт Азов,—
И он, как парус на ветру,
Упрям в работе плодотворной.
Он на лесах, весь на виду.

Ропщи, страна, но будь покорна
Его стремлению!
Пойдут
Людей дубовых караваны
По зыбям северных морей,
Пробьются к южному лиману —
И, где ни кинут якорей,
Купцам, вельможам нерадивым
Понять помогут вымпела,
Что воля росса породила
И что Россия создала.

Страна дубов, убогих срубов
(На поле копны урожая)
Роптала явственней, сквозь зубы,
Едва не бунтом угрожая:
— Опять указ для голытьбы:
«Валить дубы под самый корень».
А ноне время молотьбы!
Не быть добру! —
Кто правый в споре?

Не быть добру— еще не видят
Добра лесные жители.
Но вот плоты, на стрежень выйдя,
Опять Петра увидели.
Широкое его лицо
Сияло бритыми щеками.
Он выше вздыбленных лесов
И тверд, как тот закладный камень.

Он говорил: «Друзья, радейте!»
А через ямы, через кочки

Уже дворовые гвардейцы
Несли ковши, катили бочки
И жгли бенгальские костры —
Во славу флота жгли на мачтах...

Среди бород, среди расстриг
И на плотях хмельная качка.
Но он один, как исполин,
Стоял, и хмель его не трогал,
Мечтою трезвою палим
О славе русского народа.

<1940>

ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

1

Прибрежной липы ствол дуплистый
Увидел я издалека.
Услышал плеск листвы росистой,
Подобный плеску ручейка;
Чуть испытал сердце томленье,
Там мы расстались у реки,
Я уповал на примиренье,
На кроткость крохотной руки.
И упований долголетье —
Как сон тревожный в мире том,
Где мы, расставшись на рассвете,
С восхода солнца встречи ждем.
Благословенна свежесть мая
И утренняя дрожь ветвей,
Дорога к берегу лесная,
Листва над хатою твоей!

2

Только белая блузка —
Грустный времени след —
И короткой и узкой
Стала за восемь лет.
И глаза словно те же,
Тот же выговор слов,
Только русая реже
Прядь спадает на лоб.

Только гостеприимства
Молчаливей обряд.
Ярче свет материнства —
Светлый женственный взгляд.

8

Маньчжурские сопки, карельские скалы,
Бесчисленных странствий моих колени
На сгорбленном глобусе, верю, искала,
Сжигая шальные открытки мои.
А ныне... А ныне — как не было странствий,
Дороги и годы не выкрали страсть.
Дай руку, уверься в моем постоянстве,
Дай сердцем натруженным к сердцу припасть.

Апрель — май 1941

* * *

Дождями омытые тропы,
Деревья, шумящие гневно,
Листвы облетающей ропот
И залпы всею ночью, вседневно.

Фашистские орды, лютуя,
Пусть метят кровавою метой
Лесные селенья, — вчистую
Расплатимся мы и за это.

Мы в битвах всею ночью, вседневных,
Чем дальше, тем тверже, упрямей.
Не видеть им родину гневных —
Россию — в позоре и сраме.

1941—1942?

Владимир ЧУГУНОВ
(1911—1943)

* * *

Просишь ты лирических стихов,
Чтобы строки сердце волновали,
Чтоб на каждый затаенный вздох
Все слова любовью отвечали.

Что же, принимаю вызов твой!
Я не ставлю над стихом названья.
Свежею весеннею травой
Этих строк наполнено дыханье.

О, как величав язык любви!
Бьется сердце, щеки пышут ало.
Ты меня по имени зови,
Как в далеком детстве называла.

Я опять читаю наизусть
Первое свое стихотворенье.
В нем такая искренняя грусть,
Буря чувств, черемухи цветенье.

Осыпаются с черемухи цветы,
Затаит она дыханье на год.
На тяжелых ветках видишь ты
Гроздь крупных и созревших ягод.

Ты пила черемуховый сок,
Золотой от солнечного света.
Потому веселый твой зрачок
Вечно мне напоминает лето.

1937

ЛИСТ

Такой воздушный, ломкий, яркий
На ветке удержался лист.
Он помнит ветра пересвист,
Пушистый снег, мороз январский.

Взлететь готовый к небесам,
Чтобы не видеть смерть растений,
Он не упал на землю сам —
Один встречает день весенний.

Набухли почки, и смола
К нему, вскипая, потекла,
И дрогнул лист, весну приемля.

Другая жизнь кипит у крон,
И, уступая место, он,
Как мотылек, спорхнул на землю.

1941

СВЕТЛАНА

Я друзей обманывать не стану,
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трехлетняя Светлана
Мысленно является ко мне.

Теплая и нежная ручонка
Норовит схватиться за рукав.
Что скажу я в этот миг, ребенка
Но коленях нежно приласкав?

Что нескоро я вернусь обратно,
А возможно, вовсе не вернусь...
Так закон диктует в деле ратном:
«Умирая, все-таки не трусь!»

Может быть, в журнале иль газете,
Что хранили быль наших времен,
Дочь моя, читая строки эти,
Гордо скажет: «Храбро умер он!»

А еще приятней, с нею вместе
Этот стих короткий прочитав,
Говорить о долге, славе, чести,
Чувствуя, что был тогда ты прав.

Я друзей обманывать не стану,
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трехлетняя Светлана
Мысленно является ко мне.

1943?

КУКУШКА

Над головою пуля просвистела;
Шальная иль прицельная она?
Но, как струна натянутая, пела
Пронизанная ею тишина.

Меня сегодня пуля миновала,
Сердцебиенье успокоив мне,
И тот же час в лесу закуковала
Веселая кукушка на сосне.

Хорошая народная примета:
Нам жить сто лет, напололам доля,
Всю ярость бурь и солнечного света,
Чем так богата русская земля,

15 апреля 1943
Северный Донец

* * *

Все распри сводятся на нет
Артиллерийской перестрелкой.
Сияет ярче дружбы свет,
И места нет корысти мелкой.

Мы в дни войны сошлись втроем —
Равно бедны, равно богаты, —
Грустим, смеемся и поем
Под потолком крестьянской хаты.

А завтра в бой!
Быть может, смерть
Свершит над кем-нибудь расправу.
Он упадет на землю в травы,

Но жаворонок будет петь,
Цвести ромашки, незабудки
И многодумный лес шуметь...
С судьбой теперь плохие шутки:
Здесь очень просто умереть.

И если первым буду я
Судьбой отвергнут от событий,
То вы, товарищи-друзья,
Меня в час встречи вспомните.

А коль возьму над жизнью власть,
Ток животворных сил почуя,
Всю поэтическую страсть
В четыре строчки заключу я.

1 мая 1943
с. Первомайское

ПОСЛЕ БОЯ

Хорошо, товарищ, после боя,
Выдыхая дым пороховой,
Посмотреть на небо голубое —
Облака плывут над головой.

И в затихшем орудийном гуле,
Что в ушах моих еще звенит,
Вся страна в почетном карауле
Над убитым воином стоит.

10 мая 1943
с. Первомайское

Леонид ШЕРШЕР
(1916—1942)

Т Ы
(Из весенних стихов
об осени)

Широколистные клены с ветвей осыпают лето,
Первой хрупкостью льдинок утро встречает пруд,
Над миром, маем умытым, над миром, июнем
согретым,
Августовские созвездья, в ручьях не дрожа, встают.

Осень. В такое время хочется выйти к двери
И первому встречному ветру вылиться через край.
Но он, не поняв, уходит, а может быть, не поверив
И не сказав, расставаясь, ласкового «прощай».

За эту весну и лето мы старше и выше стали,
Но мы пронесли под солнцем солнечную мечту.
В глазах твоих серых вёсны ни разу не отцветали,
И лето в твоих улыбках и в первом еще цветущем.

Мы снова с тобою вместе, мы снова с тобою рядом.
Долго или недолго не виделись мы с тобой.
Ведь, кроме тебя, дорогая, мне очень немного надо:
Работы, стихов и неба, не вянущего зимой.

1935

* * *

Видишь, брызги на окне,—
Это очи светятся.
Гулко бродят в тишине
Звездные Медведицы.

Я не знаю, сколько их
В этой звездной бездне.

Лишь мечтаю про твои
Теплые созвездия.

И возможно, как-нибудь
Синелунным вечером
Я по ним узнаю путь,
Чтоб дойти до встречи нам.

*7 октября 1935
Москва*

НАДГРОБНОЕ СЛОВО ВЕТРУ

Выплакал звезды в тучевой тверди
Глаз луны с поднебесья на нас.
Качаются, как корабли на рейде,
Улыбки в морях твоих теплых глаз.

Ты дремлешь. И сон твой неровен и зыбок,
Как блики луны на распутье окон.
Я жду, как рассвета, твоих улыбок
И с боку на бок ворочаю сон.

Мне часто не дремлет на рассвете,
Небо проткала багровая нить.

Приходит к кровати простуженный ветер
По-человечески поговорить.

Я знаю — ему до молчания пусто,
Он ходит невылюбленный в небесах,
И мне становится очень грустно
От слез на синих его глазах.

Он песню опустит, как вымпелы с мачты,
И руки поднимет под небо, как плети.
Ветер, не надо!

Ветер, не плачьте!
Будьте мужчиной, ветер!

Я руку поглажу, нежен и ласков,—
Ветер, забудьте про все неудачи!
Хотите, я расскажу вам сказку
Или спою кукарачу!

А утром, шаги отчеканя гулко,
От зорь обеих горяч и рыж,
Он сходит и топает в переулках
Над мелочью небоскребных крыш.

Он опускается с поднебесья
И дальше идет, разгорланя песню
В улицы, не расплескавшие тишь...

...А после войдет, не стучая, в дверцы,
Сядет к кровати угрюмо и быстро,
Тихий, немного рассеянный, злой...
Я знаю большое и нежное сердце
Ветра, покончившего самоубийством,
Ветра, упавшего вниз головой.

16 декабря 1935

ПОЛНОЧЬ

Ночь спускается сразу,
Искренняя, как злоба.
Зарю за собой сжигает,
И ей отступления нет.
Двенадцать часов. Полночь.

Встает барабанщик из гроба,
Со стульев встают пианисты,
Заканчивая концерт.

Прожекторов бледные луны
Бросают последние блики,
Они поднимаются к ломам,
Выбрасываясь из окон.
Дамы приносят розы,
Дамы приносят гвоздики,
Пахнущие садами,
По сорок копеек бутон.

Жаль, увядают розы!
Я бы их поднял снова.
Я б расцветать поставил
Под синие пальцы гроз.
Я не люблю Паганини,
Я не люблю Норцова.
Я бы поднес швейцару
Букетище теплых роз.

«Возьмите, поставьте дома,
Чтоб не было дома серо,
А если имеете дочку,
То передайте ей
От зрителей амфитеатра,
От зрителей из партера
За исполнение марша
На барабане дверей...»

...А может, мне просто грустно,
Сердце в лирической тине!
Правда, ведь может быть так,
Мой теплоглазый друг?!
Я полюблю Норцова,
Я полюблю Паганини,
Ставших немного теплее
От обжигания рук.

И, обогнув билетеров
И многопудие дамы,
Я ухожу из зала
И к почте пути стелю.

Примите, телеграфистка,
Местную телеграмму
С текстом: «Моя дорогая!
Я тебя очень лю!»

17 декабря 1935

ДЕВУШКА ПЛАЧЕТ

Девушка плачет, плачет сухими глазами,
Непрошенный ветер играет ее волосами.
И ветка не к часу шутиливо касается шеи
Мохнатой, недоброй, колючей лапой своею.

Девушка плачет и держит конверт голубой,
Надписанный чьей-то чужой, незнакомой рукой...
И ветер все шутит, играет ее волосами,
И девушка плачет, плачет сухими глазами.

1940

* * *

Мне кажется сейчас, что знаю я
Всех, кто живет в моей большой стране.
Я знаю их в лицо, я знаю голос их.
Я подойду к окну — и слышу далеко,
Я выйду в поле — вижу далеко, —
И всюду близкие мои живут.
Как выросла сейчас моя семья,
Как возмужала. Как окреп народ.
Сироты есть уже. Но сколько рук,
Готовых взять их, вынянчить, согреть.
Есть старики, чьих сыновей уже
Сразила пуля злая наповал.
Но твердою и верною рукой
Благословляют младших сыновей.
Девчонка, столько раз сводившая с ума
Мальчишек, столько раз
Казавшаяся нам пустой,
Ведет в атаку взвод
И падает в крови. И полк стоит
Над ней, склонив знамен высокий шелк.

И плачут мальчики, которых столько раз
Сводила эта девочка с ума.
И мы, пожалуй, только лишь сейчас
Вдруг узнаем, кто с нами рядом жил,
Кого встречали мы, спросив: «Ну, как дела?» —
И уходили прочь. Как мы могли
Не чувствовать, не замечать, не знать!
Нельзя жалеть любви нам для друзей,
Нельзя, нельзя судить по мелочам.
Как ошибался я! И только лишь сейчас
Мне кажется, друзья, что знаю я
Всех, кто живет в моей большой стране.
1941

ВЕТЕР ОТ ВИНТА

Как давно нам уже довелось фронтовые петлицы
Неумелой рукой к гимнастерке своей пришивать.
Золотые, привыкшие к синему птицы
По защитному небу легко научились летать.
Хоть клянусь не забыть — может, все позабуду на свете,
Когда час вспоминать мне о прожитых днях подойдет,
Не смогу лишь забыть я крутой и взволнованный ветер
От винта самолета, готового в дальний полет.

Не сумею забыть этот ветер тревожной дороги,
Как летит он, взрываясь над самой моей головой,
Как в испуге ложится трава молодая под ноги
И деревья со злостью качают зеленой листвою.
Фронтовая судьба! Что есть чище и выше на свете.
Ты живешь, ощущая всегда, как тебя обдает
Бескорыстный, прямой, удивительной ясности ветер
От винта самолета, готового в дальний полет.

Тот, кто раз ощущал его сердцем своим и душою,
Тот бескрылым не сможет ходить никогда по земле,
Тот весь век называет своею счастливой звездой
Пятикрылые звезды на синем, как небо, крыле.
И куда б ни пошел ты — он всюду проникнет и встретит,
Он могучей рукою тебя до конца поведет,
Беспощадный, упрямый в своем наступлении ветер
От винта самолета, готового в дальний полет.

Ты поверь мне, что это не просто красивая фраза,
Ты поверь, что я жить бы, пожалуй, на свете не мог,
Если б знал, что сумею забыть до последнего часа
Ветер юности нашей, тревожных и дальних дорог.
А когда я умру и меня повезут на лафете,
Как при жизни, мне волосы грубой рукой шевельнет
Ненавидящий слезы и смерть презирающий ветер
От винта самолета, идущего в дальний полет.

1942

Елена ШИРМАН
(1908—1942)

ЖИТЬ!

(Из поэмы «Невозможно»)

Разве можно, взъерошенной, мне истлеть,
Неуемное тело бревном уложить?
Если все мои двадцать корявых лет,
Как густые деревья, гудят — жить!

Если каждая прядь на моей башке
К солнцу по-своему тянется,
Если каждая жилка бежит по руке
Неповторимым танцем!

Жить! Изорваться ветрами в клочки,
Жаркими листьями наземь сыпаться,
Только бы чують артерий толчки,
Гнуться от боли, от ярости дыбиться.

1930

ДИСКОБОЛ

Наследье веков повелело,
Чтоб вынес и выхолил ты
В Элладе точеное тело
Из мрамора и быстроты.
Не знает ни злобы, ни боли
Лепной, неулыбчивый рот.
И каменных плеч дискобола
Стремительный поворот
Пластичным, певучим движеньем
Кидается в пустоту
За линией статных коленей,
Приподнятых на лету.
Смотрю:

красота на разгоне!

И вдруг свирепею:

тоска

Такая, что стынут ладони

И хочется — до костяка

Разъять это

Слитное тело

Из камня и нервных узлов,

Чтоб дрогнуло и захрустело,

Чтоб длительно, вязко и зло —

Сквозь мускулов мощь и усталость,

Навылет и нараспев —

Гудело и прорастало

Веками зажатое жало,

От боли околоченев,

Чтоб книзу, и

навкось,

и прямо,—

Элладу переборов,—

Хлестала и пачкала мрамор

Живая

животная

кровь!

<1935>

НЕЗРЯЧЕМУ

Г. К.

Ты глядишь непонятым взором,

Полным муки и напряжения,

У тебя глаза, как озера,

Но — незрячие от рождения.

Ты на ощупь в толпе шагаешь,

Ты не видишь меня, любимый,

Ты глядишь — и не замечаешь,

И упорно проходишь мимо.

Как мучительно жить не видя,

Беспросветно бродить во мраке,—

Тебя все норовят обидеть —

Камни, женщины и собаки.

Подойти бы к тебе как к другу,

Провести ладонью по векам,

Взять бы ласково твою руку,
Повести по лесам и рекам.

Ты б увидел, как гнется стебель,
Как высокое солнце светит,
Как стрижи пролетают в небе
И как радостно жить на свете.

Ты б увидел...
Но нет — не сыщешь
Ты меня средь людей, родимый.
Ты глядишь на меня — и не видишь,
И упорно проходишь мимо.

1938

НЕНАЙДЕННОМУ АДРЕСАТУ

Писать тебе. Писать всю ночь. И знать,
Что голос мой тебе не очень нужен,
Что день твой мал и до минут загружен
И некогда тебе стихи мои читать.

И все-таки писать. И думать — вероятно,
Ты переехал, ты уже не там,
И дом не тот, и улица не та,
И мой конверт ко мне придет обратно,
И буду почерк свой в тоске не узнавать,
И, запинаясь, ставить знаки препинанья,
И буквы обводить, и плакать от сознания,
Что не найду тебя.

И все-таки опять

Весь день, всю ночь — пускай бесцельно это —
Я не могу с тобой не говорить,
Как не могу не думать и не жить,
Как не могу не ожидать ответа
Всегда, всю жизнь, не в силах променять
Ни на какие сытые забавы
Голодное, но радостное право
Мечтать, надеяться и безнадежно ждать.

Истлеет лист. Умрут слова и даты.
Но звезды, замыслы и бытие само
Останутся, как вечное письмо
Тебе, ненайденному адресату.

Декабрь 1939

ПРИЕЗД

Состав, задыхаясь, под арку влетит,
Навстречу рванутся и окна, и гомон,
И холод, и хохот. И кто-то навзрыд
Заплачет. И все это будет знакомо,
Как в детстве, в горячке.

Ведь так на роду

Написано мне по старинной примете —

И то, что тебя я опять не найду,

И то, что меня ты опять не встретишь.

И лица. И спины. И яркий перрон.

И кто-то толкает меня. Громогласен

Гудок паровозный. И это не сон,

Что нету тебя. И проезд мой напрасен.

Клубясь и вращаясь, прокатит вокзал,

Сверканье залов и темь коридоров.

И площадь пуста. И фонарь, как запал,

Мигнет, поджидая покинутый город.

И площадь взлетит, как граната, гремя,

И хлынут осколки разорванных улиц.

...Кто-то с панели поднимет меня

И спросит заботливо:

«Вы не споткнулись?»

*Февраль 1940
Москва*

ДЕТЯМ

Все резче графика у глаз,
Все гуще проседи мазня,
А дочь моя не родилась,
И нету сына у меня.

И голос нежности моей
Жужжит томительно и зло,
Как шмель в оконное стекло
В июльской духоте ночей.

И в темноте, проснувшись вдруг,
Всей грудью чувствовать — вот тут —
Затылка невесомый пух
И детских пальцев теплоту...

А утром — настезь! — окна в сад!
И слушать в гомоне ветвей
Невыдуманных мной детей
Всамделишные голоса.

*Июль 1940
Москва*

ПОДАРОК

Человек...
Беспредельно влюбленный
В далекие горизонты...
В туманные ночи и свежие утра,
В росистые травы и нежные цветы,
Во все моря света и облака,
В молнии, громы и горячие споры,
В стихи и краски всех радуг,
В хорошие книги и в свою работу...
В. Марчихин

Дарю тебе весь этот мир:
Кипенье смрадное асфальта,
Ручьев бегущее контральты
И в небе ласточек пунктир.

И тучи цвета молока,
И трепетание мембраны,

И шеи динозавров — краны,
Внесенные под облака.

В акациях прозрачных сквер,
Овал младенческих коленей,
И напечатанные тени
На желто-розовом песке.

И корректуры первых книг,
И первые раскаты грома,
И первородный женский крик
Из окон ближнего роддома...

Бери его! Он твой — весь мир!
Клубок из боли и блаженства.
Но будь к нему непримирим —
Владей, корчуй и совершенствуй!

Июнь 1941

Я ЖИВУ

Я живу без тебя,
В неуютной квартире,
Среди шумных соседей и облупленных стен.
Я одна в этом плохо проветренном мире.
Это быт. Это дом. А похоже на плен.
Я взбираюсь под утро на подоконник,
Прижимаюсь к стеклу и царапаю мел.
Я старею — от слез, от свирепых бессонниц,
От неконченных писем, стихов и новелл.
Это трудно. Но все это — только снится.
Мир совсем не такой, если снять мишуру,
Если вспомнить пронзенные солнцем ресницы.
Ты со мной. Ты во мне. Я с тобой говорю.
Ты меня не ругаешь за отсутствие пудры,
За немодное платье, за мечты о тебе...
Ты меня понимаешь, спокойный и мудрый
(Не такой, как в Полтаве, а как был на Лабее),
Улыбаются умные, добрые губы,
Светло-русская прядь закрывает висок.
Я тебя называю: «Аэро, любимый...»
Ты меня — полусшепотом: «Еленок...»

И становится мир и просторным и светлым.
Ты мне волосы гладишь. Не во сне. Наяву.
Мы стоим над обрывом. От холодного ветра
Ты меня защищаешь.
Потому я живу.

*15 января 1941
Ростов-Дон*

ДВА ПИСЬМА

Оно должно меня найти...
Быть может, после долгих странствий
Меж полевых почтовых станций,
Не раз теряясь на пути,—
Оно должно меня найти...

.....
Оно совсем не будет нежным,
В нем будет очень мало слов:
«Я жив, как видишь, и здоров,
Тружусь на линии прилежно.
Моя «эрэрушка» со мной,
Она мне служит безотказно...
Прости, письмо мое бессвязно,
Хотя писал его связной».

Я напишу тебе ответ,
И он совсем не будет нежным:
«Живу. Работаю прилежно,
А времени для грусти нет.
Моя уверенность со мной,
Она мне служит безотказно.
Прости, письмо мое бессвязно.
Вернись с победою домой!..»

.....
Оно должно тебя найти
Меж полевых почтовых станций,
Быть может, после долгих странствий,
Не раз теряясь по пути,—
Оно должно тебя найти...

1941

Напрасная и болезненная попытка
Перепрыгнуть законы пространства и времени.
Ты это понял прочнее и раньше, чем я.
Потому твои письма, после полтавской встречи,
Стали конкретными и объективными,
как речь докладчика,
Любознательными, как викторина,
Равнодушными, как трамвайная вежливость.
Это совсем не твои письма.

Ты их пишешь, себя насилуя,
Потому они меня больше не радуют,
Они сплющивают меня, как молоток шляпку гвоздя,
И бессонница оглушает меня, как землетрясение.
...Ты требуешь от меня благоразумия,
Социально значимых стихов и веселых писем,
Но я не умею, не получается...
(Вот пишу эти строки и вижу,
Как твои добрые губы искажает недобрая
«антиулыбка»,

И сердце мое останавливается заранее.)
Но я только то, что я есть,—

ни больше ни меньше:

Одинокая, усталая женщина тридцати лет,
С косматыми волосами, тронутыми сединой,
С тяжелым взглядом и тяжелой походкой,
С широкими скулами и обветренной кожей,
С резким голосом и неловкими манерами,
Одетая в жесткое коричневое платье,
Не умеющая гримироваться и нравиться.
И пусть мои стихи нелепы, как моя одежда,
Бездарны, как моя жизнь,
как все чересчур прямое и честное,
Но я то, что я есть.

И я говорю, что думаю:

Человек не может жить, не имея завтрашней радости,
Человек не может жить, перестав надеяться,
Перестав мечтать, хотя бы о несбыточном.
Поэтому я нарушаю все запрещения
И говорю то, что мне хочется,
Что меня наполняет болью и радостью,
Что мне мешает спать и умереть.
...Весной у меня в стакане стояли цветы земляники,
Лепестки у них белые
с бледно-лиловыми жилками,

Трогательно выгнутые, как твои веки.

И я их нечаянно назвала твоим именем.

Все красивое на земле

мне хочется называть твоим именем!

Все цветы, все травы,

все тонкие ветки на фоне неба,

Все зори и все облака

с розовато-желтой каймою —

Они все на тебя похожи.

Я удивляюсь, как люди не замечают твоей красоты,

Как спокойно выдерживают твоё рукопожатие,

Ведь руки твои — конденсаторы счастья,

Они излучают тепло на тысячи метров,

Они могут растопить арктический айсберг,

Но мне отказано даже в сотой калории,

Мне выдаются плоские буквы в бурых конвертах,

Нормированные и обезжиренные, как консервы,

Ничего не излучающие и ничем не пахнущие.

(Я то, что я есть, и я говорю, что мне хочется.)

...Как в объемном кино,

ты сходишь ко мне с экрана,

Ты идешь по залу, живой и светящийся,

Ты проходишь сквозь меня как сновидение,

И я не слышу твоего дыхания.

...Твое тело должно быть подобно музыке,

Которую не успел написать Бетховен,

Я хотела бы день и ночь осязать эту музыку,

Захлебнуться ею, как морским прибором.

(Эти стихи последние,

и мне ничего больше не совестно.)

Я завещаю девушке, которая будет любить тебя:

Пусть целует каждую твою ресницу в стдельности,

Пусть не забудет ямочку за твоим ухом,

Пусть пальцы ее будут нежными, как мои мысли.

(Я то, что я есть, и это не то, что нужно.)

...Я могла бы пройти босиком до Белграда,

И снег бы дымился под моими подошвами,

И мне навстречу летели бы ласточки,

Но граница закрыта, как твое сердце,

Как твоя шинель, застегнутая на все пуговицы.

И меня не пропускают.

Спокойно и вежливо

Меня попросят вернуться обратно.

А если буду, как прежде, идти напролом,

Белоголовый часовой

поднимет винтовку,

И я не услышу выстрела —

Меня кто-то как бы негромко окликнет,

И я увижу твою голубую улыбку совсем близко,

И ты — впервые — меня поцелуешь в губы,

Но конца поцелуя я уже не почувствую.

1941

СОДЕРЖАНИЕ

Джек Алтаузен	
Прощание с лужей	5
Скрипач	7
Родина смотрела на меня	10
Письмо от жены	11
Я пишу, дорогая, тебе	12
Александр Артемов	
Ночью	14
Стихи из цикла «Двадцать»	
Яблочко	15
Рассказ о мальчике с бабочкой и девочке Лиле	17
Наступление	20
Следы	21
О волнах	22
Вячеслав Афанасьев	
Думы	23
«В час, когда на каменных накатах...»	24
Всеволод Багрицкий	
Вступление к поэме	26
Гость	26
Картинка	27
Дорога в жизнь	28
«Я много лет сюда не приезжал...»	29
«Уходило солнце. От простора...»	30
«Мы вышли в сад...»	31
«Ты помнишь дачу...»	32
«Бывает так, что в тишине...»	33
«Нам не жить, как рабам...»	33
«Мне противно жить не раздеваясь...»	34
Ожидание	34
Встреча	35
Борис Богатков	
«Хоть становлюсь я угрюмым, упорным...»	36
Возвращение	37
«У эшелона обнимемся...»	38
«Проходит поезд через лес...»	39
Девять ноль-ноль	39
Дмитрий Вакаров	
Бунтари	41
Мой товарищ	41
Слезы	42
Я бью пером!	42
Вперед	43
Что я люблю	43
«Немного лет пройдет...»	44
Леонид Вилкомир	
Вдохновение	45
Прошедшая любовь	45
«Жизнь моя не повторится дважды...»	46
«Чуть-чуть недоспать...»	46
Бессмертие	47

	«По тебе давно тоскую...»	48
	«Мы победим. Мой — слова...»	48
Павел Винтман		
	Беззвучная симфония	50
	«Ветер юности, ветер странствий...»	50
	1939 год	50
	«Вчера был бой, и завтра будет бой...»	51
	«Романтика седых ночей...»	51
Захар Городисский		
	Милая моя	52
	«Здесь все по-прежнему...»	52
	«Серый пепел выжженных полей...»	53
	«Если мне смерть повстречается близко...»	54
Муса Джалиль		
	«Былые невзгоды...» Перевод С. Липкина	55
	Прости, Родина! Перевод И. Френкеля	55
	Волки. Перевод И. Френкеля	57
	Варварство. Перевод С. Липкина	59
	Не веры! Перевод И. Френкеля	61
	Палачу. Перевод С. Липкина	62
	Последний стих. Перевод С. Липкина	62
	Новогодние пожелания. Перевод И. Френкеля	63
Владислав Занаворов		
	Щит	65
	Походный рюкзак	65
	Кусок родной земли	67
	Родное	67
	Война	68
	Память	69
	Последнее письмо	69
Юрий Инге		
	«Придет пора: заплесневеет порох...»	73
	Колыбельная	74
	Сказание о вереске	75
	Морские охотники	76
	«В картине были воздух и пространство...»	77
Давид Каневский		
	Тысяча девятьсот сорок третий	78
	Февраль	79
Павел Коган		
	Монолог	80
	Гроза	80
	Девушке	81
	«Мы сами не заметили, как сразу...»	82
	Звезда	82
	Поэту	83
	Бригантина	84
	«Люди не замечают, когда кончается детство...»	86
	«Девушка взяла в ладони море...»	86
	Лирическое отступление	86
	Письмо	88
	«Нам лечь, где лечь...»	90

Арон Копштейн	
Оккупация	91
Поэты	92
«Мы с тобой простились на перроне...»	94
Георгий Корешов	
Первый рейс	95
Штиль	95
Шкипер	96
Весна	97
Борис Костров	
Раздумье	99
В полночь	99
У плетня	100
У могилы бойцов	101
«Когда в атаке отгремит «ура»...»	102
«Красный крест на сумке цвета хаки...»	102
«Солдатское солнышко — месяц...»	103
Борис Котов	
Полдень	104
Дождь	104
У самого моря	105
«В полночь холодно, в полдень жарко...»	106
Василий Кубанев	
«Мой детский разум неразлучен...»	107
В дни разлуки	107
О моем герое	109
«По полю прямому...»	109
Михаил Кульчицкий	
«Друг заветный! Нас не разлучили...»	111
Маяковский	112
Дождь	113
Дуэль	113
Дословная родословная	114
Творчество	115
«Высокохудожественной...»	115
«Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник...»	116
Борис Лапин	
Степь	118
Поле боя	118
Предисловие к биографии	118
«Все скучной вечностью грозит...»	119
«Прощай! Я уйду из дома...»	119
Журналистская задушевная	120
Алексей Лебедев	
«Или помните, или забыли...»	121
«Мне вновь заря приснилась голубая...»	121
Осенний лед	122
«В июне, в северном июне...»	122
Вечер	122
«Метет поэмка, растилаясь никак...»	123
Сонет	123
Тебе	124
На дне	124

Август	125
Янтарь	126
«Трудом и боем поверяют душу...»	126
Взгляд в будущее	127
Всеволод Лобода	
«Вы, не похожая на всех...»	128
«Дружбы, любви или прихоти ради...»	129
Дорога	130
Павловская, 10	131
Погиб товарищ	132
Виктор Лузгин	
«Далекий сорок первый год...»	134
«Коль выйдет так, что полем боя...»	134
Командир эскадрильи	135
Вступление	135
Николай Майоров	
Взгляд в древность	137
В вагоне	138
«Тогда была весна. И рядом...»	139
Что значит любить	140
Творчество	141
Предчувствие	141
«Мне только б жить и видеть росчерк грубый...»	142
«Я с поезда. Непроспанный, глухой...»	142
«Как жил, кого любил, кому руки не подал...»	143
Мы	143
«Я не знаю, у какой заставы...»	145
«Нам не дано спокойно сгнить в могиле...»	146
Евгений Нежинцев	
Мудрость	147
Виноград	147
Опять нет писем	148
Первая скрипка	148
Вторая скрипка	149
«Вспыхнула испуганная рама...»	149
«Пусть буду я убит в проклятый день войны...»	150
Николай Овсянников	
«Чуть заметной, заросшей тропой...»	151
«Ни сказки нету, ни песни...»	151
«Не забыть мне этот вечер...»	152
«А подкова затерялась...»	153
«Горькие и высохшие травы...»	154
Лаокоон	154
Май 1941 — май 1942 года	155
Николай Отрада	
Мечта	156
Весна	157
Попутно	158
Полине	159
Гуси летят	160
В поезде	160
Почти из моего детства	161
Мир	162

Эдуард Подаревский	
«Вспомним про лето. Про это вот лето...»	164
«Серые избы в окошке моем...»	166
Иван Пулькин	
Из цикла «Дикие песни»	170
Обращение к любимой непосредственно	172
Против детства	173
«День распускается ярким...»	174
Борис Смоленский	
Ремесло	175
«Полустудент и закадычный друг...»	175
Ночной экспресс	176
«Не надо скидок. Это пустяки...»	178
«Я очень люблю тебя. Значит — прощай...»	179
Франсуа Вийон	179
«Пустеют окна. В мире тень...»	180
«А если скажет нам война: «Пора»...»	181
«Я сегодня весь вечер буду...»	181
«Я иногда завидую жестоко...»	182
Сергей Спирт	
Пушкин	183
Творчество	183
Дочери	184
Гроза ночью	184
Реквием Лермонтову	185
Три сонета	186
Вадим Стрельченко	
Смотрителю дома	188
Моя фотография	188
Ливень	190
Сердце Котовского	191
Георгий Суворов	
Первый снег	193
Снайпер	193
«Сочилась кровь, и свет бежал из глаз...»	194
Месть	194
«Бушует поле боевой тревогой...»	195
Брусника	196
«Пришел и рухнул, словно камень...»	196
«Еще утрами черный дым клубится...»	197
«Мы тоскуем и скорбим...»	197
«Леса и степи, степи и леса...»	198
Михаил Троицкий	
«По-разному неслись мои года...»	199
Музей муравьев	199
Разлука	201
«Когда художник ошупью находит...»	201
Прощание	202
Иосиф Уткин	
Молодежи	203
Стихи о дружбе	203
Последнее письмо	204
Оправдание	205

Сердце	206
Посвящение	207
Типичный случай	207
Посвящение	208
Снегурочка	209
«Я видел девочку убитую...»	209
Из письма	210
Я видел сам	211
Если я не вернусь, дорогая...	212
Ты пишешь письмо мне	212
Сестра	213
Мать солдата	213
Иван Федоров	
«Милой называл,— не улыбнулась...»	215
Санкт-Петербург	215
Восемь лет спустя	217
«Дождями омытые тропы...»	218
Владимир Чугунов	
«Просишь ты лирических стихов...»	219
Лист	220
Светлана	220
Кукушка	221
«Все распри сводятся на нет...»	221
После боя	222
Леонид Шершер	
Ты	223
«Видишь, брызги на окне...»	223
Надгробное слово ветру	224
Полночь	225
Девушка плачет	227
«Мне кажется сейчас, что знаю я...»	227
Ветер от винта	228
Елена Ширман	
Жить!	230
Дискобол	230
Незрячему	231
Ненайденному адресату	232
Приезд	233
Детям	234
Подарок	234
Я живу	235
Два письма	236
Возвращение	237
Последние стихи	237

Литературно-художественное издание

ЮНОШЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

«Я БЫЛ УБИТ В БОЯХ...»

Стихи молодых поэтов,
павших в годы Великой
Отечественной войны

Зав. редакцией *А. Лукашин*
Редактор-составитель *И. Остапенко*
Художественный редактор *С. Можаява*
Технический редактор *В. Чувашов*
Корректор *Г. Черникова*

ИБ № 1945

Сдано в набор 20.12.89. Подписано в печать 25.09.90.
Формат 84×108^{1/2}. Бум. офс. кн. журн. Гарнитура лите-
ратурная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,02. Усл.
кр.-отт. 14,30. Уч.-изд. л. 10,967. Тираж 100 000 экз.

Заказ № 4577. Цена 70 к.

Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь,
ул. К. Маркса, 30. Ордена Трудового Красного Знамени
типография издательства «Звезда», 614600, г. Пермь,
ГСП-181, ул. Дружбы, 34.

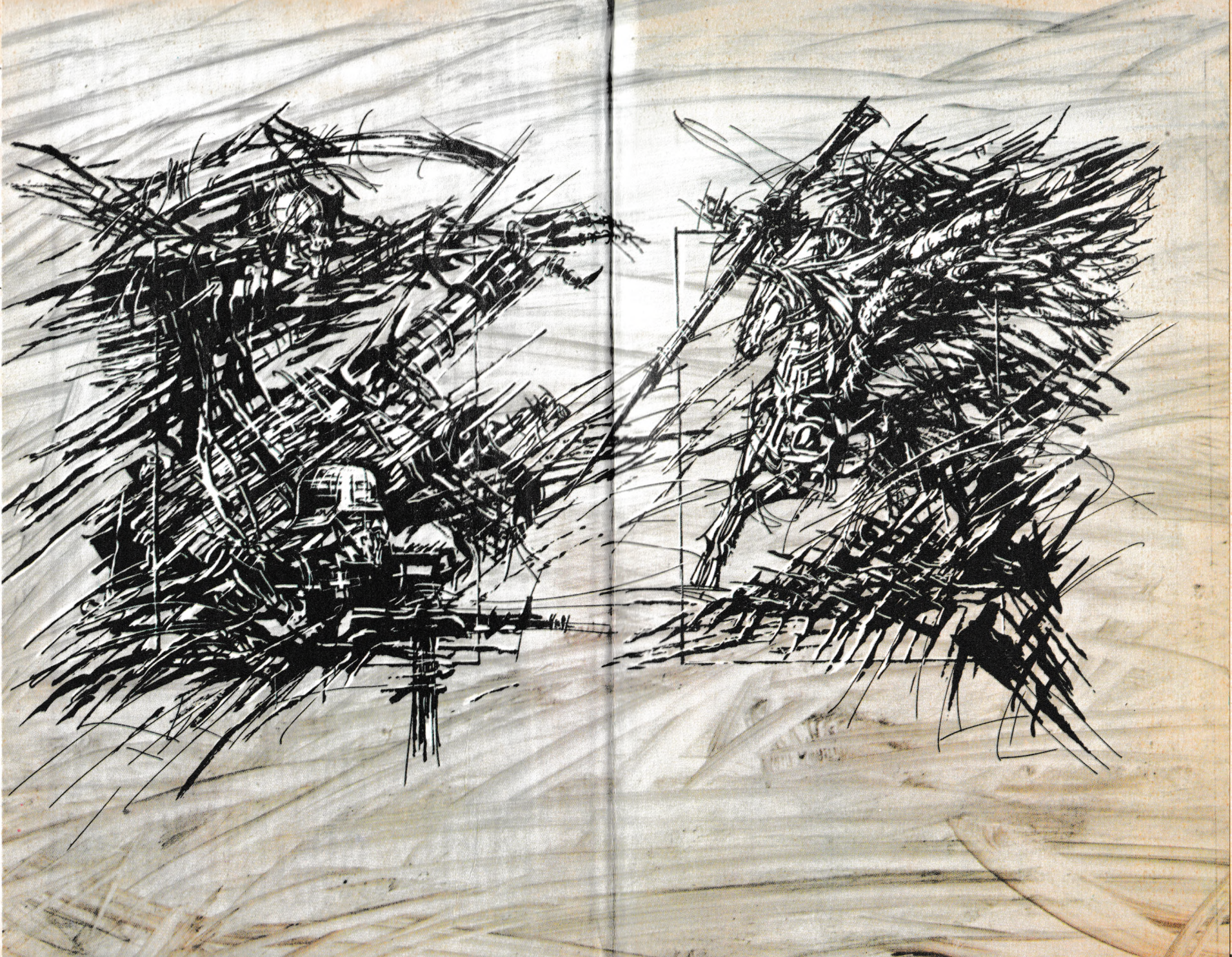
Я 11 «Я был убит в боях...»: Стихи молодых поэтов, павших в годы Великой Отечественной войны.— Пермь: Кн. изд-во, 1990.— 246 с. (Юношеская б-ка).

ISBN 5-7625-0264-3

Сборник стихов Павла Когана, Николая Майорова, Алексея Лебедева, Бориса Смоленского, Мусы Джалиля, Всеволода Багрицкого и других молодых поэтов, погибших в годы Великой Отечественной войны, издается к 45-летию Победы.

Я $\frac{4803010202-71}{M152(03)-90}$ 86—90

ББК 84Р7—5

70 коп.

КОНШЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

«Я БЫЛ УБИТ В БОЯХ...»

«Я БЫЛ УБИТ В БОЯХ...»